

1
1870

К65
К41

ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ

СВѢДѢНІЯ

0

КАЛМЫКАХЪ

КОЧУЮЩИХЪ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

— 534006 —

1
2

СОСТАВИЛЪ

ГЛАВНЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬ КАЛМЫЦКАГО НАРОДА

Генералъ-Маіоръ К. Костенковъ.

— ❦ ❦ —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. Нусвальта, Литейная, № 13.

1870.

1

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Историческій очеркъ происхожденія калмыцкаго народа и отношеній къ нему Русскаго Правительства.	1
II. Историческій очеркъ правъ Калмыцкихъ Нойоновъ-владѣльцевъ и Зайсанговъ	29
III. Образованіе улусовъ и переходъ правъ на нихъ къ нынѣшнимъ Нойонамъ-владѣльцамъ.	55
IV. Права калмыковъ на землю, предоставленную имъ въ Астраханской губерніи	70
V. Общественное устройство и статистическія свѣдѣнія о состояніи калмыковъ Астраханской губерніи	92
VI. Результаты переписи калмыцкаго народа произведенной въ декабрѣ мѣсяцѣ 1868 года.	142

Предлагаемыя въ настоящихъ очеркахъ свѣдѣнія извлечены изъ официальныхъ и другихъ источниковъ, но главнымъ образомъ изъ архива калмыцкаго Управленія, дѣла котораго сохранились съ 1703 года, и Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи.

I.

Историческій очеркъ происхожденія калмыцкаго народа и отношеній къ нему Русскаго Правительства.

Обитающій въ предѣлахъ Россіи, кочевой калмыцкій народъ имѣетъ одни общія происхожденіе и религію съ монголами, населяющими часть сѣверной и средней Азіи.

Послѣ переворота, произведеннаго въ средней Азіи основателемъ монгольскаго царства Чингисъ-Ханомъ, когда потомки его владѣли китайскимъ престоломъ, большая часть монголовъ кочевала въ сѣверной и сѣверо-западной частяхъ Китая. Возникшіе около половины XIV столѣтія въ Китаѣ безпорядки, окончившіеся низверженіемъ монгольской династіи, были причиною страшныхъ кровопролитій; страна была раздираема междоусобіями, вслѣдствіе которыхъ образовалось множество независимыхъ одно отъ другаго мелкихъ владѣній.

Для поддержанія своей независимости, въ виду этой неурядицы, три монгольскія племена: *Чоросъ*, *Хойтъ* и *Хошотъ*, кочевавшія на сѣверо-западѣ Китая, сопредѣльно съ владѣніями Азіатской Россіи, въ нынѣшней Зюнгаріи, или Джунгаріи, образовали, въ концѣ XIV столѣтія, между собою союзъ, извѣстный подъ названіемъ *Ойратскаго*; впоследствии къ нему присоединилось еще одно монгольское племя *Торгоутъ* и союзъ этотъ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ *Дербенъ-Ойратъ* четырехъ союзіе (по монгольски *дербенъ*—четыре).

Распространивъ свое вліяніе на дѣла Монголіи, Дербень Ойраты сдѣлались опасными сосѣдями для китайцевъ и нерѣдко наводили на нихъ ужасъ своими набѣгами, надѣясь силою оружія возвратить китайскій престолъ прежней монгольской династіи.

Главою союза Дербень-Ойратъ, называвшагося также *Оронъ* (собраніе нѣсколькихъ племенъ), былъ *Конъ-Тайша* (Хунь-Тайджи), титулъ, принадлежавшій сначала тайшамъ чоросскаго поколѣнія, — но слабое управленіе ихъ было причиною раздробленія чоросцевъ на двѣ партіи *Зюнгаръ* и *Дербетъ*. Въ это время конъ тайши совершенно утратили вліяніе не только на дѣла Монголіи, но даже на свой союзъ до такой степени, что тайши отдѣльныхъ поколѣній дѣйствовали каждый, соображаясь съ своими личными интересами, увеличивая свои силы на счетъ слабыхъ и въ свою очередь падая подъ гнетомъ болѣе сильныхъ; но при всей этой неурядицѣ, ойратскіе тайши соединялись вмѣстѣ, въ виду виѣшней общей опасности отъ Монголовъ, начиная снова междуособія и взаимную борьбу, лишь только опасность проходила.

Въ началѣ XVII столѣтія, когда первенство въ союзѣ принадлежало уже тайшамъ хошотовскаго поколѣнія, возводимымъ Далай-Ламою въ титулъ хановъ, зюнгарскій тайша Хара-Хула, имѣя намѣреніе возстановить прежнее вліяніе чоросскаго поколѣнія, подчинилъ своей власти множество мелкихъ нойоновъ; въ то же время началъ стѣснять права Ойратовъ, желая преобразовать союзъ и сдѣлаться его главою, чего и достигъ впоследствии сынъ его Эрдени-Батырь-Убуши (Батуръ Хунь-Тайджи), извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ *Богатырь-Тайша*.

Стѣсненія и притязанія Хара-Хулы были причиною того, что множество тайшей и нойоновъ, съ подвластнымъ имъ

народомъ, стали отдѣляться отъ союза, перекочевывая или къ Монголамъ, или въ предѣлы Сибири; въ числѣ послѣднихъ были Торгоуты, выведенные изъ Зюнгаріи вліятельнымъ тайшею этого поколѣнія Хо-Урлюкомъ.

Отдѣлившись около 1621 года отъ Ойратскаго союза, Хо-Урлюкъ первоначально расположился кочевьемъ по берегамъ рѣкъ: Оби, Иртыша и Тобола, но и здѣсь не могъ найти покойнаго убѣжища для себя и подвластныхъ ему торгоутовъ. Тѣсняемые съ одной стороны Киргизь-Кайсаками, давшими имъ названіе *Калма*, *Калмакъ*, *Калмаклькъ* ¹⁾, съ другой — своими же соплеменниками, подъ предводительствомъ Хара-Хулы и сына его Эрдени-Батырь-Убуши, желавшихъ подчинить ихъ своей власти, торгоуты вынуждены были искать болѣе удобное пристанище для своего кочевья.

Обширныя степи юго-восточной Россіи, между рѣками: Ураломъ, Волгою и Дономъ, совершенно пустынные въ то время, представляли привольное убѣжище для торгоутовъ, тѣмъ болѣе, что незначительныя остатки кочевавшихъ по этимъ степямъ татаръ, бывшей нѣкогда здѣсь Золотой орды, не могли быть страшны имъ своею силою, и потому Хо-Урлюкъ, развѣдавъ предварительно объ удобствахъ этихъ степей, перекочевалъ сюда изъ Сибири въ 1628 году ²⁾ съ 6-ю своими сыновьями и 50,000 кибитокъ подвластныхъ ему калмыковъ. Занявъ своими кочевьями сначала свободныя мѣста по рѣкѣ Эмбѣ и Уралу и подчинивъ своей власти кочевавшихъ тамъ татаръ, калмыки захватили за тѣмъ все простран-

---

¹⁾ На турецкихъ нарѣчіяхъ значить отсталой, отблвнвшійся. Отсюда названіе *Калмыкъ*.

²⁾ Прибытіемъ калмыковъ считается собственно 1630 годъ, т. е. когда они перешли въ предѣлы Европейской Россіи съ береговъ рѣкъ Эмбы и Урала. (Полн. соб. закон. Т. XXIX, № 22,135. § 1).

ство между рѣками Ураломъ и Волгою и на сѣверъ до Самары, а въ 1632 году Хо-Урлюкъ, сдѣлавшись уже первенствующимъ Тайшею (Ахалакчи - Тайша), расположилъ свою ставку по берегу рѣки Ахтубы, главнаго притока въ низовьяхъ рѣки Волги.

Русское Правительство не только не имѣло возможности отразить самовольный захватъ своихъ пустынныхъ степей, но даже мало помышляло объ этомъ, полагая, что прикочевавшіе калмыки будутъ составлять надежный оплотъ южныхъ границъ отъ набѣговъ и вторженій различныхъ ордъ изъ глубины средней Азіи. Но это ожиданіе, какъ увидимъ ниже, не оправдалось; Тайша Хо-Урлюкъ, обольщенный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, началъ мечтать о возстановленіи независимаго ханства на развалинахъ Золотой орды, и для внушенія страха, а также по свойственной его народу привычкѣ, началъ грабить и раззорять пограничные города и села. Наконецъ, принявъ подъ свое покровительство татаръ, бывшихъ уже подданными Россіи, онъ напалъ на Астрахань, разграбилъ и сжегъ всѣ дома жителей, укрывшихся въ кремль, который и осадили калмыки; но это нападеніе, стоившее жизни Хо-Урлюка и большихъ потерь, было отбито русскими ¹⁾).

По смерти Хо-Урлюка, во время управленія сына его Шукуръ-Дайчина, калмыки по прежнему продолжали грабежи и набѣги, пока наконецъ сила оружія не заставила ихъ покориться Россіи. Отправленные въ 1655 году Шукуръ-Дайчиномъ послы клялись по шертной записи Царю Алексѣю Михайловичу быть *въ вѣчномъ послушаніи* и помогать русскому войску въ походахъ его противъ государевыхъ недруговъ: Крымцевъ, Азовцевъ и другихъ.

¹⁾ Исторія калмыцкихъ Хановъ. Переводъ Лыткина изъ соч. Батыръ-Убаши Тюмента. Сказаніе о Дербень-Ойратахъ. Астрах. Губ. Вѣд. № 19, 1861 года.

Покорясь Русскому Правительству, Шукурь-Дайчинъ, по примѣру своего отца, не прекращалъ сношеній съ Зюнгарскими Тайшами и Нойонами, въ глазахъ которыхъ пользовался большимъ политическимъ значеніемъ и силою. Главною цѣлю этихъ сношеній было желаніе привлечь и увеличить число подвластнаго ему народа переселенцами изъ Зюнгаріи.

Духовный владыка Тибета Далай-Лама¹⁾, желая поддержать значеніе и власть Шукурь-Дайчина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ради политическихъ своихъ видовъ, предложилъ ему титулъ Хана. Но Шукурь-Дайчинъ, не желая навлечь на себя подозрѣніе Русскаго Правительства, отказался отъ этой почести. Вѣроятно по случаю этого отказа, между калмыками до сихъ поръ повторяется и даже вошло въ нравы ихъ изрѣченіе Шукурь-Дайчина: «Высшій изъ обманщиковъ тотъ, кто умѣетъ прикинуться любящимъ правду».

Хотя калмыки подчинились и содѣйствовали русскимъ, принимая участіе въ походахъ на крымскіе улусы, но, не смотря на это, грабежи не прекращались и Правительство, съ недо-вѣріемъ смотрѣвшее на нихъ, признало необходимымъ потребовать снова въ 1661 году присягу отъ калмыковъ, которую принялъ на урочищѣ Берекетѣ (близъ Астрахани) сынъ Шукурь-Дайчина *Пунцукъ* (Бунчукъ) отъ имени своего отца, родственниковъ, нойоновъ и улусныхъ людей, обѣщаясь *быть въ вѣчномъ послушаніи и подданствѣ русскому Царю*. Въ подкрѣпленіе своей клятвы Пунцукъ призывалъ гнѣвъ Божій

---

¹⁾ Глава Буддизма Далай-Лама имѣлъ огромное вліяніе на своихъ духовныхъ чадъ. Ойратскіе и монгольскіе Тайши дорожили его вниманіемъ и благословеніемъ какъ въ былыя времена въ Европѣ свѣтскіе владыки дорожили вниманіемъ Папы и Патріарха. Зная свое вліяніе, Далай-Лама въ крайнихъ только случаяхъ раздавалъ свое благословеніе, милости и титулы, которыхъ ойратскіе и монгольскіе Тайши такъ сильно добивались.

за нарушеніе ся и лизалъ свой ножъ , прикладывая его къ горлу.

По смерти Шукуръ-Дайчина въ 1672 году, управленіе народомъ перешло къ внуку его, знаменитому Тайшѣ Аюкѣ, правленіе котораго продолжалось слишкомъ 50 лѣтъ и заключаетъ въ себѣ болѣе интересный періодъ исторіи калмыцкаго народа , представляя Аюку замѣчательной личностью по хитрому , изворотливому уму, дѣятельности и сильному вліянію на своихъ подвластныхъ.

Унаслѣдовавъ вполнѣ характеръ и совѣты своего дѣда Шукуръ-Дайчина, Аюка нѣсколько разъ подтверждалъ клятвами и увѣреніями преданность свою Русскому Правительству и безпрестанно измѣнялъ, соображаясь съ обстоятельствами.

Въ 1690 году, Далай-Лама пожаловалъ ему титулъ хана, печать (цоло) и всѣ знаки ханскаго достоинства. Такимъ образомъ титулъ Конь-Тайши Ойратовъ, которымъ въ сущности никто не пользовался изъ прибывшихъ въ Россію тайшей, былъ замѣненъ званіемъ хана калмыцкой орды. Съ этого времени , во всѣхъ сношеніяхъ Правительства съ Аюкою , онъ именуется ханомъ, а по смерти его, въ 1724 году, само уже Правительство начало заботиться о назначеніи калмыцкихъ хановъ и потому въ инструкціи , данной по этому случаю Астраханскому Губернатору 3-го мая 1724 года, сказано : «стараться , чтобы владѣльцы не выбрали изъ себя хана , а просили бы объ этомъ Его Императорское Величество ¹⁾).

Избранный послѣ долгихъ смуть и семейныхъ раздоровъ одинъ изъ сыновей Аюки , Церенъ-Дондокъ утвержденъ былъ въ 1731 году правительствомъ въ званіи хана , причемъ были пожалованы ему Высочайшая грамота и знаки на ханское

---

¹⁾ Дѣло арх. Калм. Управл. 1723 года № 23.

достоинство ¹⁾; но этотъ первый выборъ былъ весьма неудаченъ. Слабое управленіе Церенъ-Дондока и страсть его къ пьянству были причиною безчисленныхъ споровъ и несогласій въ улусахъ и столкновений за право на ханское достоинство, почему Правительство сочло необходимымъ вызвать Церенъ-Дондока въ Петербургъ, гдѣ онъ спился совершенно и умеръ. Вмѣсто его былъ назначенъ въ 1735 году внукъ Аюки, Дондокъ-Омбо *Главнымъ Управителемъ калмыцкаго народа*, а въ 1737 году утверждёнъ въ званіи хана ²⁾.

По смерти Дондокъ-Омбо, въ 1741 году, назначенъ былъ другой внукъ Аюки (отъ старшаго сына Чакдорджаба), Дондокъ-Даши, намѣстникомъ ханства. Въ 1758 году онъ утверждёнъ въ званіи хана, а малолѣтній сынъ его Убаши въ званіи намѣстника ³⁾.

Между тѣмъ происходившія въ Зюнгариіи постоянныя междоусобія и другіе безпорядки между мелкими калмыцкими владѣльцами, окончившіеся порабощеніемъ калмыковъ китайскимъ правительствомъ, были поводомъ къ частымъ перекочевкамъ ихъ небольшими партіями въ южные предѣлы Россіи, гдѣ они находили для себя привольное и безопасное убѣжище. Такимъ образомъ число калмыковъ, находившихся въ Россіи, постепенно увеличивалось, такъ что во второй половинѣ прошедшаго столѣтія число ихъ простиралось уже до 80 тыс. кибитокъ или семействъ, подвластныхъ намѣстнику хана и подчиненнымъ ему на вассальныхъ правахъ нойонамъ.

Возникшіе по смерти Дондокъ-Даши, въ 1761 году, раздоры между потомками Аюки за ханское достоинство были причиною страшныхъ безпорядковъ и столкновений въ улу-

¹⁾ Полн. собр. зак. т. VIII, № 5699.

²⁾ Полн. собр. зак. т. X, № 7191.

³⁾ Дѣло арх. К. У. 1758 г. № 347, отд. историч.

сахъ. Главнымъ виновникомъ ихъ былъ Тайша Цебекъ-Дорджи, внукъ хана Дондокъ-Омбо, не признававшій надъ собою власти малолѣтняго Убаши ¹⁾. Желая достигнуть своей цѣли—ханскаго достоинства, и не надѣясь на поддержку со стороны правительства, Цебекъ-Дорджи началъ всѣми мѣрами склонять калмыковъ къ неповиновенію не только намѣстнику, но даже и Русскому Правительству, и помощію интригъ успѣлъ убѣдить многихъ вліятельныхъ лицъ, особенно въ средѣ духовенства, къ удаленію изъ Россіи въ Зюнгарию.

Около этого же времени Правительство признало необходимымъ ограничить нѣкоторыя права намѣстника ханства и приступить къ водворенію военныхъ линій по берегамъ Волги, Урала, Самары и Терека. Эти распоряженія, вмѣстѣ съ распущенною въ народѣ молвою, что Правительство намѣрено будто бы взять въ казну большую часть калмыцкихъ земель, а калмыковъ принудить къ осѣдлой жизни и, обративъ въ военное сословіе, образовать изъ нихъ отдѣльное войско, не могли нравиться калмыкамъ и потому они рѣшились оставить Россію. Задуманный калмыками планъ бѣгства приведенъ былъ ими въ исполненіе въ 1771 году. Въ январѣ мѣсяцѣ этого года, большая часть калмыковъ, находившихся на луговой (лѣвой) сторонѣ рѣки Волги, откочевала за Уралъ, къ границѣ Китая, куда калмыки достигли въ весьма маломъ числѣ послѣ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ ими въ пути. Прибывшихъ калмыковъ китайское правительство, подчинившее уже своей власти Зюнгарию и раздробившее Ойратскія поколѣнія, распредѣлило по кантонамъ Илійской области.

Въ предѣлахъ Россіи осталось около 13,000 кибитокъ кал-

¹⁾ Высочайшею грамотою 8-го мая 1765 года Цебекъ-Дорджи назначенъ первенствующимъ въ народномъ Зарго (судѣ) и главнымъ судьей при намѣстникѣ. (Д. Арх. Колл. Уир. 1765 г. № 4. Отд. историч.).

мыковъ, не успѣвшихъ присоединиться къ бѣжавшимъ, по отдаленности кочевья и по недостатку переправъ, такъ какъ въ это время Волга не была еще покрыта льдомъ.

Послѣ бѣгства Убаши, званіе калмыцкихъ хановъ и намѣстниковъ указомъ 19-го октября 1771 года ¹⁾ было уничтожено; тѣмъ же указомъ повелѣвалось Губернатору Бекетову распределить не успѣвшихъ бѣжать бывшихъ подвластныхъ Убаши 4706 кибитокъ, между нойонами, оставшимися въ Россіи, взамѣнъ бѣжавшихъ отъ нихъ калмыковъ. — Нойоны, которымъ принадлежали въ то время оставшіеся въ Россіи калмыки, были слѣдующіе: *Торгоутовскіе* — Полковникъ Князь Алексѣй Дондуковъ ²⁾, Яндыкъ, Асарха, Маша; *Хошоутовскіе* — Замьянъ и Теке; *Дербетевскіе* — Цебекъ-Убаши и Ценденъ Дорджи и *Эюнарскіе* — Тюмень Джиргаланъ, Джиргалъ и Рюбджуръ и мелкопомѣстные, т. е. владѣвшіе небольшимъ числомъ кибитокъ: Цагалай, Цаганъ, Джальчинъ Нохонъ Кюбенъ, братъ его Габунгъ-Намка и Санджилъ.

Замѣчательно, что при этомъ распределеніи калмыковъ между нойонами, нѣкоторые роды были раздѣлены такимъ образомъ, что калмыки одного и того же рода достались на долю нѣсколькимъ владѣльцамъ, отчего впоследствии, при образованіи улусовъ, одинъ и тотъ же родъ оказался по нѣсколькимъ улусамъ, что существуетъ и до настоящаго времени, кромѣ дербетевскихъ улусовъ, сохранившихъ составъ родовъ своихъ въ цѣлости.

Правительство, передавъ калмыковъ нойонамъ, предоставило имъ управлять каждому своимъ улусомъ (нутукъ) отдѣльно,

¹⁾ Д. А. К. У. 1772 г. № 13.

²⁾ Сынъ Хана Дондокъ-Омбо, принявшій въ Петербургѣ св. крещеніе вмѣстѣ съ своей матерью, извѣстною кабардинкою *Джамъ*, братьями и сестрами. Всему семейству ихъ былъ пожалованъ при крещеніи княжескій титулъ съ фамилією Дондуковыхъ.

и давать, какъ прежде, судъ и расправу по калмыцкимъ законамъ и обычаямъ. Въ то же время усиленъ былъ надзоръ за калмыками со стороны Правительства и послѣдовалъ рядъ административныхъ распоряженій по управленію народомъ.

Обозрѣвая историческіе и законодательные акты и переписку, сохранившуюся въ дѣлахъ архива калмыцкаго управленія за прошедшіе два столѣтія, мы находимъ, что весь періодъ отъ прихода калмыковъ въ Россію до бѣгства ихъ, рѣзко отличается отъ временъ послѣдующихъ особеннымъ характеромъ отношеній Русскаго Правительства къ этому народу. Калмыки были въ продолженіи этого времени скорѣе плохіе союзники, чѣмъ безпокойные подданные Россіи. Правительство, оставляя въ совершенной неприкосновенности сословныя права калмыковъ и не вмѣшиваясь въ управленіе народомъ, предоставляло его спачала тайшамъ, потомъ ханамъ или ихъ намѣстникамъ; словомъ ихъ родовымъ начальникамъ, и уже съ ними вело переговоры скорѣе дипломатическіе, чѣмъ властительные.

Вообще періодъ пребыванія калмыковъ подъ покровительствомъ Россіи, съ 1630 по 1771 годъ, представляетъ разгулъ дикой свободы, необуздываемой Правительствомъ. Такъ напр. калмыки считались подданными Россіи, но управлялись самовластіемъ хановъ и нойоновъ, которое поддерживалось Правительствомъ до такой степени, что даже тѣхъ калмыковъ, которые совершали убійства и другія преступленія въ русскихъ городахъ и селахъ, отсылали на судъ къ ханамъ ¹⁾. Существовавшія же въ продолженіи почти всего прошедшаго столѣтія въ городахъ пограничныхъ съ степью правительственныя учрежденія, именовавшіяся *калмыцкими* канцеляріями, *упра-*

---

¹⁾ Дѣла арх. К. У. 1735 г. № 55 и 1747 г. № 267.

вами калмыцкихъ дѣлъ не могли имѣть вліянія на дѣла калмыковъ, такъ какъ Правительство, договорами съ ханами и особыми своими указами, разрѣшило ханамъ, для разбора дѣлъ калмыковъ съ русскими, назначать въ эти учрежденія особыхъ *боодокчеевъ*, которые обязаны были судить и разбирать жалобы ¹⁾).

Правительственнаго надзора за ордою въ точномъ смыслѣ слова не было; всѣ мѣры въ этомъ отношеніи ограничивались единственно тѣмъ, что въ 1729 году было предписано Астраханскому Губернатору Воынскому имѣть при ханѣ Аюкѣ и сынѣ его Чакдыржабѣ и другихъ главныхъ нойовахъ довѣренныхъ людей, которые, слѣдя тайно за ихъ поступками, сообщали бы о вредныхъ замыслахъ калмыковъ. Въ то же время учрежденъ былъ при ханѣ, въ видѣ почетной стражи, *драгунскій эскадронъ* (упраздненный въ 1797 году). Завѣдываніе вообще калмыцкими дѣлами, подѣ главнымъ начальствомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сосредоточивалось, съ половины прошедшаго столѣтія, въ конторѣ калмыцкихъ и татарскихъ дѣлъ, находившейся въ Астрахани, а потомъ было поручено комендантамъ: сперва въ Саратовѣ, потомъ въ Царицынѣ и наконецъ въ Енотаевскѣ, подѣ названіемъ: *командующій при калмыцкихъ дѣлахъ*.

Съ 1752 года Правительство, въ виду непрерывныхъ смуть и столкновеній въ улусахъ за ханское достоинство, учредило особая должности «*дворянъ*» ²⁾ въ пограничныхъ городахъ и

¹⁾ Дѣла арх. К. У. 1747 № 267 и 1748 № 279.

²⁾ Изъ дѣлъ Калмыцкаго Управленія видно, что «дворяне» при калмыцкихъ дѣлахъ были должности только по названію. Такъ напр. въ 1763 году, определенъ былъ толмачъ Власовъ для исправленія дворянской должности, вмѣсто дворянина Тихона Лепехина, который былъ «къ дворянской службѣ весьма не способенъ и глупъ, и кромѣ того, въ незначительныхъ продерзостиахъ обращался». Дворяне получали различные оклады жалованья и, сверхъ того, муку и овесъ. (Дѣло арх. Калм. Управл. № 361, отд. историч.).

въ улусахъ при нойонахъ, для разбора жалобъ и наблюденія какъ за нойонами, такъ и за потомками хановъ, и для извѣщенія о ходѣ дѣлъ «командующихъ при калмыцкихъ дѣлахъ».

Обязанные договорами ¹⁾ «не брать русскихъ людей въ полонъ», не грабить и не раззорять города и села, калмыки постоянно нарушали свои обѣщанія, пользуясь случаемъ и оплошностію. На требованіе Правительства о наказаніи виновныхъ, ханы по обыкновенію отвѣчали ²⁾, что они не находятъ таковыхъ и затѣмъ прекращались требованія. Договоры подобнаго рода, заключенные въ видахъ огражденія русскихъ отъ калмыковъ, мало оберегали первыхъ отъ этой дикой, необузданной орды: грабежи, захваты въ полонъ и отгоны скота не прекращались въ пограничныхъ со степью губерніяхъ.

Калмыцкіе ханы и нойоны, пользуясь, съ подвластнымъ имъ народомъ, *безданно, безпошленно* русскою территоріею, въ продолженіи почти полутора вѣковаго періода, не могли даже назваться вассалами Русскаго государства, хотя, по договорамъ съ послами Шукуръ-Дайчина 4 февраля 1655 года и потомъ съ ханомъ Аюкою ³⁾, они были обязаны выставять войска по требованію Правительства и «идти войною на кого приказано будетъ», но и это ими никогда не исполнялось въ точности. Такъ напр. въ іюль 1674 года, по указу Царя велѣно было Аюкѣ идти съ войсками подъ Крымъ ⁴⁾; но 9-го октября 1675 года князь Каспулатъ Черкасскій отписывалъ: »Аюка не пошолъ и Церенъ Солома Тайшу съ подвластными

---

¹⁾ П. С. З., т. I, № 540 и т. IV стр. 140 пункты 3 и 6.

²⁾ Дѣла А. К. У. 1731 г. № 55 и 1748 г. №№ 267 и 279.

³⁾ П. С. З. т. I, № 145, т. III, № 12, 207, т. IV, № 2291.

⁴⁾ П. С. З. т. I, № 581.

«его не пустил; а хотя послалъ своего брата Замсо съ не-
«большимъ отрядомъ, но и тотъ съ дороги вернулся и только
«одинъ Мазанъ-Батуръ пошолъ съ 1000 человекъ».

Изъ сохранившихся актовъ видно, что ханы не рѣдко вели переговоры съ Крымомъ противъ Россіи, принимая къ себѣ даже оттуда пословъ. Правительство, зная объ этомъ, ограничивалось только «развѣдываніемъ»¹⁾, не принимая рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію зла.

Хотя по смерти хана Аюки Правительство приняло на себя назначеніе калмыцкому народу хановъ, но не рѣдко случалось, что избраніе Правительства было только номинальное. Потомки бывшихъ тайшей и нойоновъ, поддерживаемые своими партіями, не признавали избраннаго Правительствомъ, ссорились между собою, волновали народъ и очень часто возводили въ званіе хана вопреки желанію Правительства.

Объяснить причины такихъ нерѣшительныхъ отношеній Правительства въ продолженіи этого періода къ калмыцкому народу, признавшему его власть надъ собою, можно только тѣми обстоятельствами, что Правительство, какъ выше было сказано, не имѣло возможности силою оружія усмирить и держать въ покорности эту дикую орду и, что, допуская калмыковъ на свои обширныя и совершенно пустынные степныя пространства, оно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, находило полезнымъ пребываніе въ тѣхъ предѣлахъ полупокорнаго кочеваго народа, какъ живаго оплота отъ вторженія кавказскихъ горцевъ и разныхъ ордъ изъ глубины Азіи въ южные предѣлы государства. Но на сколько калмыки приносили пользу Россіи въ этомъ отношеніи, на столько же они вредили своими разбоями и грабежами окраинамъ Россіи, препятствуя ихъ заселенію.

¹⁾ Д. А. К. У. 1831 г. № 55.

Обуздывая кроткими мѣрами своеволіе этой бродячей массы, Правительство въ то же время, въ видахъ «*приласканія*» калмыковъ, постоянно издавало указы, облегчавшіе сношенія этого народа съ русскимъ населеніемъ. Въ этихъ видахъ разрѣшено калмыкамъ ѣздить въ Нерчинскъ для торговли, присылать въ Москву табуны лошадей для продажи, безъ взятія *мостовицны*, торговать товарами беспошлинно ¹⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывались мѣры къ обращенію калмыковъ въ христіанскую вѣру и опредѣленію ихъ на службу ²⁾.

Чтобы положить хотя какое нибудь ограниченіе необузданной власти калмыцкихъ хановъ, Правительство сочло нужнымъ, при утвержденіи Убаши въ 1761 году намѣстникомъ ханства (по смерти отца его Дондокъ-Даши), учредить при намѣстникѣ Зарго (судъ) изъ 8 членовъ, въ число которыхъ намѣстникъ могъ назначать только тронхъ, избраніе же остальныхъ предоставлено было нойонамъ. Такимъ образомъ ханская власть была нѣсколько парализована; по крайней мѣрѣ этого желало Правительство при учрежденіи Зарго, названнаго *народнымъ*.

Послѣ бѣгства калмыковъ, одновременно съ уничтоженіемъ званія калмыцкаго хана, начались преобразованія по управленію народомъ. При Астраханской Губернской Канцеляріи была открыта *Экспедиція калмыцкихъ дѣлъ*, а въ слѣдующемъ 1772 г. при ней былъ открытъ *Зарго* изъ 3-хъ членовъ, отъ 3-хъ главныхъ родовъ: Торгоутова, Дербетева и Хошоутова, подчиненный контролю Астраханскаго Губернатора ³⁾.

¹⁾ П. С. З. т. I, № 540, т. II, №№ 672, 990 и 1245, т. IV, № 1822, т. V, №№ 2958, 3076 и 3314 т., VII, № 4216, т. X, № 7733.

²⁾ Тамъ же т. I, № 540, т. II, №№ 672 и 990, т. III, № 1591, т. IV, №№ 2207 и 2291, т. V, №№ 2702, 3001 и 3002, т. VII, №№ 4427, 4492, 4683, 4783, 4784 и 4795, т. VIII, № 5444.

³⁾ Д. А. К. У. 1771 г. № 414.

Вслѣдствіе всеобщихъ преобразованій, послѣдовавшихъ въ 1786 году въ низовомъ краѣ, Генераль-Губернаторъ Кавказскаго Намѣстничества Князь Потемкинъ, находя, что калмыки могутъ исполнять военныя обязанности, предписалъ открыть въ Астрахани *калмыцкую войсковую канцелярію*; но въ 1788 году, правитель того же намѣстничества Статскій Совѣтникъ Алексѣевъ, наименовавъ ее просто *калмыцкою канцелярією*, перевелъ послѣднюю въ городъ Енотаевскъ, какъ центральный пунктъ всѣхъ улусовъ. Слѣдующій за нимъ правитель Кавказскаго Намѣстничества, Генераль-Маіоръ Брянчаниновъ¹⁾ снова перевелъ канцелярію калмыцкихъ дѣлъ въ Астрахань, гдѣ она и существовала до 1797 года. Въ этомъ году, при указѣ Правительствующаго Сената 15 января, присланъ былъ Высочайше подтвержденный штатъ Астраханской губерніи; а какъ по этому штату калмыцкой канцеляріи не было положено и суммы не ассигновано, то она и была закрыта, дѣла же о калмыкахъ казенныхъ улусовъ, по предложенію Астраханскаго Губернатора, были переданы въ мѣстные уѣздные суды, а о владѣльческихъ ожидалось особое распоряженіе. Но въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе: оставить управленіе калмыками на прежнемъ основаніи; вслѣдствіе чего вновь было открыто въ Астрахани, 29 іюня, *калмыцкое управленіе*.

Предоставленное нойонамъ неограниченное управленіе оставшимися въ Россіи калмыками вызвало съ ихъ стороны произволь, относительно ихъ подвластныхъ, порождая вмѣстѣ съ тѣмъ нескончаемыя взаимныя ссоры, жалобы и непримиримую вражду, волновавшія народъ.

Всѣ эти неурядицы привели Правительство къ убѣжденію въ

---

¹⁾ Д. А. К. У. 1790 г. № 413.

необходимости обратить всѣхъ калмыковъ въ казенное вѣдомство.

Въ этихъ видахъ, взяты были въ 1786 году отъ наслѣдниковъ умершаго нойона, полковника Князя Дондукова, принадлежавшіе ему улусы Багацохуровскій и Эркетеневскій, въ количествѣ 3,086 кибитокъ, въ замѣнъ конхъ имъ были пожалованы пенсія и 1,984 души крестьянъ въ Могилевской губерніи. Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, повелѣно было причислить въ казенное вѣдомство Дербетевскіе улусы ¹⁾.

Около этого времени, нѣкоторые изъ Дербетевскихъ калмыковъ, вслѣдствіе будто-бы притѣсненій, причиняемыхъ имъ мѣстнымъ начальствомъ, начали самовольно переходить съ приволжскихъ степей на земли Войска Донскаго; оставшіеся же въ предѣлахъ Астраханской губерніи Дербетевцы раздѣлились на двѣ части: бѣльшая—избрала себѣ нойономъ Хапчука, а меньшая—Чучея Тайши Тундутова ²⁾. Но порядокъ въ Дербетевскихъ улусахъ этимъ не былъ возстановленъ: калмыки, увлекаемые тѣмъ или другимъ нойономъ, безпрестанно дѣлали переходы, то на земли Войска Донскаго, то обратно въ приволжскій степи; наконецъ въ Донскія степи перекочевали почти всѣ калмыки Большедербетевского улуса.

Въ 1798 году, калмыки, находившіеся на Войсковыхъ земляхъ, были причислены къ Войску Донскому, а въ слѣдующемъ году начальство этого Войска начало подчинять ихъ казачьимъ обязанностямъ ³⁾. Во избѣжаніе этого, калмыки снова стали переходить обратно въ предѣлы Астраханской губерніи, при-

¹⁾ П. С. З. Т. XXII 1786 г., № 16387.

²⁾ Этотъ раздѣлъ послужилъ началомъ образованія помѣстныхъ Большедербетевского (въ Ставропольской губерніи) и Малодербетевского улусовъ.

³⁾ П. С. З. Т. XXV, №№ 18651 и 18860.

соединяясь здѣсь большою частію къ Малодербетевскому улусу¹⁾; незначительная только часть калмыковъ осталась, и до настоящаго времени находится, въ предѣлахъ Донскаго Войска, гдѣ они и обращены въ казачье сословіе, а нойонамъ ихъ предоставлена свобода²⁾.

Всѣ эти перемѣны сопровождались волненіями и беспорядками въ Дербетевскихъ улусахъ, виновниками которыхъ были: Малодербетевскій нойонъ Чучей Тайша Тундутовъ и Лама Соебынгъ. По поводу сего они были вызваны, въ 1799 году, въ Петербургъ. Здѣсь они успѣли оправдаться и исходатайствовать себѣ и калмыцкому народу разныя милости; именно: Высочайшимъ указомъ Императора Павла, 14 октября 1800 года, Чучей возведенъ былъ въ званіе намѣстника хана, а Соебынгъ въ званіе главнаго Ламы; причемъ были пожалованы Чучею: знамя, сабля, панцырь, шишакъ, соболья шуба и шапка, а Соебынгу: соболья шуба и посохъ. Кромѣ того, съ упраздненіемъ существовавшаго въ Астрахани калмыцкаго управленія, повелѣно было калмыкамъ: а) зависѣть непосредственно отъ Государя; б) самимъ избирать себѣ начальника; в) переписываться непосредственно съ Государемъ; г) по дѣламъ имѣть сношеніе съ Иностранною Коллегіею и назначеннымъ въ то же время при намѣстникѣ Главнымъ Приставомъ, и д) по землямъ

¹⁾ Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ улусѣ Малодербетевскомъ числятся калмыковъ почти въ 5 разъ болѣе противъ улуса Большедербетевскаго.

²⁾ Для кочевья этихъ калмыковъ отведена близъ Романовской станицы земля, въ количествѣ 1,034,000 десятинъ, такъ что, при численности Донскихъ, или такъ-называемыхъ *базовыхъ калмыковъ* (въ настоящее время около 10¹/₂ т. душъ мужскаго пола) приходится почти по 100 десятинъ на душу. Калмыки обязаны нести казачью службу, но въ исполненіе этой повинности зачисляется имъ то, что они поступаютъ въ табуницы къ частнымъ заводчикамъ, которые предпочитаютъ нанимать преимущественно предъ прочими калмыковъ, какъ ловкихъ наѣздниковъ. Калмыки назначаются къ заводамъ отъ Войскаго начальства, а конкозаводчики за каждаго назначеннаго калмыка платятъ определенную сумму въ Войсковой Комитетъ.

и проч. имѣть сношеніе съ Генераль-Прокуроромъ. Сверхъ того, возстановленъ существовавшій при ханахъ и упраздненный послѣ бѣгства калмыковъ судъ Зарго изъ 8 членовъ. Приказано было предоставить калмыкамъ во владѣніе тѣ земли, на которыхъ они кочевали до этого времени, и дозволена свобода вѣроисповѣданія ¹⁾).

Хотя при вступленіи на престолъ Императора Александра I-го были подтверждены предоставленныя калмыцкому народу, вышеозначенныя права и преимущества ²⁾, но подобный порядокъ, при неустройствѣ народа, существовать долго не могъ, и потому, въ 1803 году, по смерти намѣстника ханства Чучея, званіе это болѣе уже не возобновлялось. Калмыцкій народъ, оставаясь подъ управленіемъ Главнаго Пристава и непосредственнымъ вѣдѣніемъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, былъ подчиненъ, вмѣстѣ съ своимъ судомъ Зарго, первоначально Астраханскому Военному ³⁾, а въ 1816 году — Гражданскому Губернатору ⁴⁾.

Трехлѣтнее управленіе назначеннаго Правительствомъ намѣстника хана Чучея не могло водворить порядокъ въ калмыцкомъ народѣ. Нойоны не признавали власти его надъ собою и не подчинялись его распоряженіямъ; беспорядки въ улусахъ, грабежи и воровство, неограниченный произволъ нойоновъ по сбору денегъ въ свою пользу съ подвластныхъ имъ калмыковъ, все это доходило, какъ подробнѣе увидимъ ниже, до невѣроятныхъ размѣровъ.

Весьма естественно, что подобные беспорядки, вредно отзы-

---

¹⁾ И. С. З. Т. XXVI, 1800 года №№ 19,511, 19,536, 19,575, 19,599, 19,600 и 19,921.

²⁾ Тамъ же Т. XXVI, 1801 года, № 20,037.

³⁾ Тамъ же Т. XXVII, 1803 года, № 21,011.

⁴⁾ Тамъ же Т. XXVII, 1816 года, № 26,196.

ваясь на нравахъ и хозяйствѣ народа и на отношеніяхъ къ нему правительства, вызывали постоянныя жалобы и просьбы со стороны лицъ благоразумныхъ и вліятельныхъ изъ среды народа о введеніи порядка въ управленіи, соответствующаго духу и быту народа. Эти лица особенно указывали на необходимость ввести калмыцкое уложеніе, составленное въ 1640 году, на съѣздѣ въ Сибири Ойратскихъ тайшей и нойоновъ, и известное подъ названіемъ *Цааджинъ-Бичикъ*, т. е. уставъ взысканій. Они утверждали, что калмыки, не зная русскихъ законовъ и обычаевъ, нерѣдко подвергаются напрасной отвѣтственности и многіе изъ нихъ содержатся въ тюрьмахъ за такія преступленія, которыя, по древнему народному уставу, составленному сообразно съ обычаями калмыковъ, не навлекали бы на нихъ такую мѣру наказанія, или наказывались бы немедленно, безъ всякой канцелярской *волокиты*. Въ этомъ заявленіи народа нельзя не видѣть справедливаго требованія, если вспомнить ту проволочку и тѣ формальности, которыя существуютъ даже и до настоящаго времени въ судахъ стараго устройства.

То же самое просилъ прежде и намѣстникъ Чучей, сознавая впрочемъ необходимость сдѣлать пересмотръ и измѣненія калмыцкаго устава, сообразно съ новыми отношеніями Правительства къ народу. Вслѣдствіе его просьбы, Высочайше было повелѣно, въ 1802 году, Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ заняться этимъ дѣломъ; Коллегія же поручила бывшему тогда при народѣ Главному Приставу Страхову доставить точный переводъ устава.

Переписка по этому предмету продолжалась весьма долго, такъ что только въ 1821 году Министерство Иностранныхъ Дѣлъ препроводило къ Главному Приставу Коханову копию съ древняго калмыцкаго уложенія, поручивъ разсмотрѣть и сообразить, вмѣстѣ съ владѣльцами, Ламою и духовенствомъ, точ

но ли это уложение содержитъ тѣ законы, которыми калмыки издревле руководствовались. Для этой цѣли были приглашены означенныя лица на съѣздъ въ урочище *Зензели* (нынѣ селеніе въ 100 верст. къ югу отъ Астрахани). Здѣсь уложение было свѣрено и дополнено ¹⁾, доставивъ калмыкамъ надежду на осуществленіе завѣтныхъ ихъ желаній. Но этому ожиданію калмыковъ суждено было осуществиться не вполнѣ, потому что Правительство не могло признать непогрѣшимости судебныхъ рѣшеній по калмыцкому уставу, основанныхъ на преданіяхъ и на собственномъ соображеніи судей, даже по уголовнымъ преступленіямъ, какъ это судьямъ предоставлялось по уставу.

Послѣдовавшія около этого времени преобразованія въ бывшей Кавказской области измѣнили и управленіе калмыцкимъ народомъ. Результатомъ этихъ преобразованій было отчисленіе отъ калмыцкаго управленія кавказскихъ инородцевъ: Ногайцевъ, Туркменъ и другихъ, въ составъ *особаго управленія магометанскими народами*, подъ начальствомъ Главнаго Пристава, и передача въ 1824 году главнаго завѣдыванія калмыцкою ордою изъ Министерства Иностранныхъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ то же время были составлены правила для управленія калмыцкимъ народомъ, Высочайше утвержденныя 10 марта 1825 года. По этимъ правиламъ управленіе калмыками, обитающими въ Астраханской губерніи и Кавказской области, было раздѣлено: на Главное, Областное, Окружное и Улусное.

Главное управленіе принадлежало Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, ближайшій же надзоръ предоставлялся уполномо-

---

¹⁾ Это распоряженіе было принято народомъ съ восторгомъ и благодарностію; бывшіи на съѣздъ лица пожертвовали 343 лошади для ремонта кавалеріи и 800 руб. асс. въ пользу инвалидов (Д. А. К. У. 1821 г. № 765).

ченному отъ Министерства Главноуправляющему въ Кавказскомъ краѣ, на котораго возложено было наблюденіе за управленіемъ дѣлами калмыковъ и ихъ благосостояніемъ, а также пресѣченіе беспорядковъ и злоупотребленій.

Областное управленіе сосредоточивалось въ Астрахани въ *Коммисіи Калмыцкихъ Дѣлъ*, которую, подъ предѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора, составляли: Вице-Губернаторъ, Главный при калмыцкомъ народѣ Приставъ, Губернскій Прокуроръ и два Депутата со стороны народа — одинъ отъ владѣльцевъ, другой отъ духовенства, по выбору этихъ сословій. Власть Коммисіи была главнымъ образомъ распорядительная; но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣла отчасти и судебный характеръ при разсмотрѣніи тяжбныхъ дѣлъ, по жалобамъ на рѣшенія суда Зарго, на сумму свыше 400 руб. асс. Окончательно Коммисія рѣшала подобнаго рода дѣла только до 1000 рублей; по жалобамъ недовольныхъ дѣла переходили въ Министерство. Коммисіи также предоставленъ былъ разборъ жалобъ зайсанговъ на Зарго въ неправомъ рѣшеніи дѣлъ по управленію аймаками.

Обязанности *Окружнаго Управленія* соединялись въ судѣ Зарго, который находился въ г. Енотаевскѣ ¹⁾, состоя по прежнему изъ 8-ми членовъ—двухъ отъ духовенства и шести отъ народа, изъ владѣльцевъ и зайсанговъ, избираемыхъ на улусныхъ сходахъ и утвержденныхъ Коммисіею не менѣе какъ на три года.

Зарго имѣлъ исключительно судебный характеръ. Онъ разсматривалъ жалобы на управленія улусныя по дѣламъ свыше 200 рублей, а также дѣла тяжбныя по имѣніямъ, по лич-

---

¹⁾ Назначеніе мѣстопробыванія Зарго зависѣло отъ усмотрѣнія Коммисіи, прижизняясь къ временамъ года и, по возможности, ближе къ средоточію калмыцкихъ кочевьевъ.

нымъ обидамъ, по управленію аймаками, и наконецъ дѣла о всѣхъ случаяхъ, которые не считались, по понятіямъ калмыковъ, тяжкими преступленіями, въ томъ числѣ угонъ скота, захватъ имущества и воровства-мошенничества, на сумму не свыше 400 рублей и не болѣе трехъ разъ. Окончательно же рѣшались судомъ Зарго всѣ дѣла на сумму до 400 рублей ассигнац.

Для наблюденія за порядкомъ и успѣшнымъ отправленіемъ дѣлъ въ судѣ Зарго, при немъ находился одинъ изъ помощниковъ Главнаго Пристава.

Управленіе въ улусахъ состояло изъ частныхъ приставовъ, улусныхъ судей и владѣльцевъ или правителей. Частные пристава, наблюдая за порядкомъ и благоустройствомъ въ улусахъ, разбирали споры калмыковъ съ сосѣдями о землѣ и о потравахъ хлѣба, сѣна и т. п. Разбирательства эти окончательно рѣшались Приставомъ на сумму 200 руб. асс.; свыше этой суммы недовольные могли приносить жалобы по порядку. Кромѣ того, Пристава производили слѣдствія по всѣмъ происшествіямъ, имѣвшимъ характеръ уголовныхъ преступленій; обязанность ихъ была слѣдственно-полицейская. Улусные же Судьи, избираемые на годъ изъ зайсанговъ и другихъ почетныхъ лицъ, составляли изъ себя посредниковъ, на правахъ словесныхъ судей, разсматривали исковыя дѣла, рѣшая оныя окончательно, когда цѣна иска не превышала 200 руб., равно дѣла объ угонахъ скота и о покражахъ на ту же сумму. Затѣмъ внутреннее управленіе калмыками въ улусахъ и наблюденіе за правильностію отбываемыхъ ими повинностей возложено было на обязанность нойоновъ (владѣльцевъ) а въ казенныхъ улусахъ на правителей.

Этими же правилами предоставлялось (§ 57) всѣ вообще дѣла по предметамъ, подлежащимъ разбирательству духовнаго

или гражданского суда, рѣшать по древнимъ калмыцкимъ законамъ, обычаямъ и обрядамъ; но дѣла по преступленіямъ уголовнымъ (§ 37), какъ то: за измѣну, неповиновеніе власти, возмущеніе, смертоубійство, грабежъ, насиліе и подводъ злодѣевъ, дѣланіе фальшивой монеты и воровство свыше трехъ разъ разсматривались въ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ, по общимъ государственнымъ установленіямъ.

Такимъ образомъ въ этомъ первомъ законодательствѣ по управленію калмыками выразилась отчасти цѣль Правительства вводить постепенно гражданское устройство въ среду этого народа, предоставивъ въ нѣкоторой степени руководствоваться и древнимъ его уложеніемъ; но какъ неполнота и неясность этого уложенія затрудняли Правительство, то на обязанность Коммисіи калмыцкихъ дѣлъ возложено было, между прочимъ, (§ 27), рассмотреть и исправить древнее законоположеніе калмыковъ и, по предварительномъ совѣщаніи владѣльцевъ съ лучшимъ духовенствомъ, приспособить оное, на сколько возможность дозволить, къ общимъ правамъ, дополняя недостатокъ или неудобство изъ законовъ російскихъ.

По введеніи въ дѣйствіе вышеозначенныхъ правилъ, Государь Императоръ Николай I-й, Высочайшею грамотою, 24 апрѣля 1828 года, утвердилъ права, предками Его калмыкамъ дарованныя, и въ знакъ особеннаго Монаршаго благоволенія Всемилостивѣйше пожаловалъ калмыцкому суду Зарго золотую печать ¹⁾.

---

¹⁾ Посланному изъ Петербурга отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Статскому Советнику Путятину, для передачи грамоты и печати калмыцкому народу, дано было подробное наставленіе Министра, какъ выполнить этотъ церемоніалъ и потомъ сдѣлать угощеніе владѣльцамъ, зайсангамъ, духовенству и народу, — для каковой цѣли было отпущено ему 1500 рублей. Церемоніалъ происходилъ въ г. Енотаевскѣ. (Д. А. К. У. 1828 г. № 7155). Эта грамота хранится въ присутственной комнатѣ Главнаго Управленія

Новый порядокъ управления калмыками, введенный правилами 1825 года, не оправдалъ, однако же, ожиданій Правительства: народъ видимо бѣднѣлъ и все болѣе и болѣе приходилъ въ разстройство. Вслѣдствіе этого, а равно для разрѣшенія все еще длившихся споровъ между Дербетевскими владѣльцами за права владѣнія этими улусами, въ 1827 году былъ отправленъ въ Астраханскую губернію Сенаторъ Энгель для изысканія надежныхъ мѣръ къ водворенію между калмыками тишины, правосудія и хозяйственнаго благоустройства.

По произведеннымъ изслѣдованіямъ было открыто, что главныя причины разстройства въ положеніи калмыцкаго народа заключались: въ обычной и неограниченной власти и алчности *ноёноновъ*, которымъ Положеніе 1825 года, назвавъ ихъ безъ всякаго основанія «владѣльцами», придало еще болѣе власти и самоуправства надъ калмыками; кромѣ того, сильное вліяніе умножившагося духовенства, нравственный развратъ въ народѣ, проистекавшій отъ невѣжества и бѣдности, и наконецъ отчасти самый порядокъ управления, начала котораго во многомъ несоотвѣтствовали ни положенію, ни привычкамъ, изстари укоренившимся въ народѣ.

Все это указывало на необходимость измѣнить существовавшій порядокъ мѣстнаго калмыцкаго управления, издавъ положеніе, которое болѣе соотвѣтствовало бы нуждамъ народа, состоянію его понятій и нравовъ, и открывало бы калмыкамъ путь къ гражданственности и благоустройству.

Въ этихъ видахъ, для управления калмыцкимъ народомъ составлено было, подъ руководствомъ Астраханскаго Военнаго

калмыцкимъ народомъ въ г. Астрахани, а золотая печать, по закрытіи Зарго впоследствии, отослана въ Государственное Древлехранилище. (Дѣло П. А. Г. И. Отд. IV ст. 2 № 65, 1858 года).

Губернатора Пяткина, новое Положеніе, Высочайше утвержденное 24 ноября 1834 года и приведенное въ дѣйствіе съ 1 января 1836 года ¹⁾. Этимъ положеніемъ учреждено было надъ калмыцкимъ народомъ въ первый разъ попечительство, существующее и до настоящаго времени.

Главное Управленіе калмыками, по прежнему, принадлежало Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Мѣстное Губернское Управленіе составляли: Астраханскій Военный Губернаторъ и Главный Попечитель калмыцкаго народа, на личной обязанности котораго лежали надзоръ за благоустройствомъ и ходатайство о дѣлахъ и нуждахъ калмыковъ. Кромѣ того, учрежденъ былъ *Советъ Калмыцкаго Управленія*, состоявшій подъ предсѣдательствомъ Главнаго Попечителя, изъ двухъ его товарищей, одного Ассесора изъ нойоновъ (владѣльцевъ), и двухъ депутатовъ изъ сословія зайсанговъ. Советъ, какъ распорядительное управленіе, завѣдывалъ всѣми *дѣлами*, относящимися до *благоустройства и благочинія*. Судебною частію калмыковъ завѣдывалъ, на правахъ судебныхъ инстанцій *второй* степени, *судъ Зарго*, состоявшій изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ, опредѣляемыхъ отъ Правительства, и двухъ ассесоровъ изъ нойоновъ. Дѣлами, относившимися до религіи, завѣдывало, какъ главное судебное правительственное мѣсто для духовныхъ дѣлъ калмыцкаго народа, *Ламайское Духовное Управленіе*, состоявшее подъ предсѣдательствомъ Ламы, изъ четырехъ членовъ калмыцкаго духовенства.

Управленіе улусное составляли: *нойоны* (владѣльцы), а въ казенныхъ улусахъ *Правители*, на которыхъ лежалъ хозяйственный порядокъ; Улусные пристава, переименованные въ *Попечителей*, вмѣстѣ съ *помощниками* своими, завѣдывали,

¹⁾ П. С. З. Т. X, № 7560 и Д. А. К. У. 1825 г. № 943, по Арх. № 6991.

по прежнему, слѣдственно-полицейскою частію. Кромѣ того, на правахъ судебныхъ инстанцій *первой* степени, были учреждены *Улусные Суды*, состоявшіе въ каждомъ улусѣ, подъ предсѣдательствомъ нойона-владѣльца или Правителя улуса, изъ Улуснаго Попечителя, Помощника его и двухъ Засѣдателей-Зайсанговъ.

Вѣдѣнію суда Зарго подлежали всѣ уголовныя дѣла калмыковъ, также тяжбы ихъ какъ между собою, такъ и по претензіямъ калмыковъ, лицъ постороннихъ какого бы званія они ни были, и дѣла между калмыками по несогласію родителей съ дѣтьми. Всѣ эти дѣла какъ судъ Зарго, такъ и улусные суды, разсматривали въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, руководствуясь въ дѣлахъ уголовныхъ общими законами Россійской Имперіи, а въ дѣлахъ тяжбныхъ—древними калмыцкими постановленіями, и только въ случаѣ недостатка таковыхъ, общими законами Имперіи.

Несообразность учрежденнаго Положеніемъ 1834 года управленія калмыцкимъ народомъ очевидна, если принять въ соображеніе незначительное количество народа, для котораго создано было такое громадное управленіе, и еще болѣе въ отношеніи судебной части, невыдерживающей даже самой поверхностной критики. Такъ напримѣръ: улусные попечители и ихъ помощники, въ одно и то же время являлись и слѣдователями и судьями подъ предсѣдательствомъ неграмотнаго и болѣею частію полупьянаго нойона или зайсанга (Правителя улуса). Къ сожалѣнію этотъ порядокъ сохраняется и до настоящаго времени.

Съ образованіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдомство котораго, въ числѣ другихъ инородцевъ, поступили и калмыки, Положеніе 24 ноября 1834 года подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ,сообраз-

нымъ съ порядкомъ и правилами новаго Министерства. Въ этихъ видахъ, для управленія калмыками издано было новое, Высочайше утвержденное 23 апрѣля 1847 года, Положеніе, которое остается въ дѣйстви и до настоящаго времени.

Этимъ Положеніемъ управленіе калмыцкимъ народомъ, попечительство и ближайшее наблюденіе надъ калмыками ¹⁾, поручено Управляющему Астраханскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ присвоено званіе *Главнаго Попечителя*. Совѣтъ Калмыцкаго Управленія закрыть; вмѣсто его образовано *Ордынское Отдѣленіе* при Палатѣ, которая по дѣламъ калмыцкаго народа состоитъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ Астраханскаго Губернатора на томъ же основаніи, какъ и по управленію бывшими государственными крестьянами. Существовавшее, по Положенію 1834 г., Ламайское Духовное Правленіе и судъ Зарго упразднены, и затѣмъ обязанности перваго сосредоточены въ лицѣ одного Ламы, а дѣла, входившія въ кругъ вѣдомства суда Зарго, перешли въ вѣдѣніе общаго судебнаго учрежденія въ губерніи— *Палаты Уголовнаго и Гражданскаго суда*; но первую степень суда составляютъ, по прежнему и въ томъ же составѣ, *Улусныя суды*, переименованные только въ *Улусныя Зарго*.

Хотя § 153 Положенія 1847 года предоставлено Улуснымъ Зарго разбирать тяжбы дѣла между калмыками объ имуществѣ «по древнимъ калмыцкимъ постановленіямъ», но въ настоящее время эти постановленія не только не примѣняются къ дѣлу, но даже едва ли извѣстны народу: тщетно разыскивался по улусамъ, съ научною цѣлію, въ теченіе нѣсколькихъ

---

¹⁾ За исключеніемъ Большедербетскаго улуса, отчисленнаго по Высочайшему повелѣнію 8 марта 1860 года, при разграниченіи губерній Астраханской и Ставропольской, въ вѣдомство Главнаго Пристава кочующихъ въ этой послѣдней губерніи народовъ.

лѣтъ, *этотъ источникъ калмыцкой премудрости*, о которомъ нѣкогда такъ хлопотали калмыки.

По закрытіи 4-го января 1867 года Палаты Государственныхъ Имуществъ, бывшее Ордынское Отдѣленіе Палаты, переименованное *въ Главное Управленіе калмыцкимъ народомъ*, оставлено въ прежнемъ составѣ, равно какъ и прочія части Управленія впредь до предстоящихъ преобразованій.

II.

Историческое происхождение правъ высшихъ сословій Калмыцкаго народа.

а) Нойоны.

Происхождение правъ высшихъ сословій монгольскаго народа теряется въ глубокой древности; опредѣлить начало ихъ положительно невозможно, по совершенному отсутствію какихъ либо документовъ или историческихъ указаній. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно допустить предположеніе, что первоначально это было право сильнаго, перешедшее впослѣдствіи въ потомственное, и что этотъ переходъ совершился до XIV столѣтія, т. е. до религіозной реформы, произведенной между монголами Зонкавою (Тсунъ-Хова); во время этой реформы, какъ извѣстно, народъ уже былъ раздѣленъ на сословія.

Основное дѣленіе было на *два сословія*: сословіе привилегированныхъ, благородныхъ (*Цаганъ-Юста* — бѣлой кости) и сословіе простолюдиновъ (*Хара-Юста* — черной кости, *хара-кюнъ*, черный человекъ, *хара-улусъ* — черный народъ), изъ коихъ послѣднее, вслѣдствіе разныхъ политическихъ переворотовъ, подпало подъ власть перваго.

Историческіе документы о монголахъ ¹⁾ указываютъ, что во

¹⁾ Исторія восточныхъ Монголовъ Санаъ-Сецена. Исторія Сибири — Фишера. Историческое обозрѣніе Ойратовъ, Отца Іакинѣа. Исторія казачьихъ хановъ и матеріалы для исторіи Ойратовъ (калмыковъ) въ переводахъ Лыткина.

главѣ управленія этимъ народомъ были: ханъ и особая іерархія подчиненныхъ ему лицъ высшаго сословія, и что ханы завѣщевали по смерти, а иногда дѣлили и при жизни своей, подвластный имъ народъ между своими сыновьями и родственниками, образуя такимъ образомъ особые удѣлы, подчиненныя власти хана на вассальномъ правѣ. Точно такое же управленіе было введено и въ образовавшейся монгольской конфедерации, известной подъ наваніемъ *Ойратскаго союза*, отъ котораго отдѣлились калмыки (Ойраты), перекочевавшіе въ началѣ XVII столѣтія въ южные предѣлы Европейской Россіи.

Главою этого союза, состоявшаго изъ нѣсколькихъ поколѣній, управляемыхъ *Тайшами* (Тайджи), былъ *Хунъ-Тайджи* или *Контайша*; нѣкоторые изъ нихъ имѣли титулъ хана, жалованный имъ духовнымъ владыкою монголовъ Далай-Ламою.

Все высшее сословіе Ойратовъ имѣло общее названіе *Нойонъ*, означающее на Ойратскомъ (калмыцкомъ) языкѣ: господинъ, властелинъ, начальникъ, предводитель. Названіе это происходитъ отъ глагола *Нойолху* — властвовать, имѣть начальство.

Званіе нойона первоначально принадлежало однимъ только потомкамъ *Чингисъ-Хана* и его братьевъ по мужскому колѣну; но впоследствии его стали присваивать себѣ дальные родственники хановъ, происходившіе изъ побочныхъ линій.

Ханы, Контайши и Тайши принадлежали также къ сословію нойоновъ, различаясь между собою только старшинствомъ своихъ родовъ.

Тайша былъ правителемъ цѣлаго поколѣнія *Тангачи*, раздѣлявшагося на улусы. Лучшимъ и обширнѣйшимъ улусомъ завѣдывалъ Тайша самъ непосредственно, а менѣе обширные раздавалъ въ управленіе и въ кормленіе своимъ сыновьямъ и братьямъ, которые и чередовались между собою, смотря по об-

стоятельствамъ. Напр , если сынъ Тайши, нойонъ умиралъ, то улусъ его переходилъ въ управленіе другаго сына, или брата, или племянника, а ихъ улусы либо передавались третьимъ родственникамъ, либо присоединялись къ улусу старшаго сына или самаго Тайши. Нойоны иногда присваивали себѣ званіе «*Тайшей*», но на самомъ дѣлѣ они Тайшами не были, состоя къ этой власти въ вассальныхъ отношеніяхъ. Земли, занимаемыя кочевьями цѣлаго поколѣнія, назывались *Нутукъ*.

Въ то время, когда Ойраты, вслѣдствіе постоянныхъ раздоровъ между поколѣніями, должны были употреблять въ дѣло оружіе, правители народа начали подраздѣлять его на *сотни* (зунъ), а сотни на *сорока*, для легчайшаго расчета и сбора ратныхъ людей. «Зунъ» заключалъ также количество кибитокъ или хошей, въ которомъ находилось сто котловъ или семействъ, члены которыхъ живутъ общимъ хозяйствомъ, ѣдятъ изъ одного родительскаго котла.

Въ мирное время власть Тайши была весьма ограниченная; но при опасностяхъ внѣшняго нападенія она являлась болѣе сильною. Тайши располагали тогда народными правителями, нойнами, назначая и перемѣняя ихъ, по своему усмотрѣнію.

Каждый *улусъ* состоялъ изъ нѣсколькихъ родовъ (*анги*), происходившихъ отъ одного общаго имъ родоначальника. Земли, занимаемыя кочевьемъ одного рода отдѣльно отъ чужеродцевъ, назывались *Отукъ*.

Роды дѣлились на *аймаки* или *цзисаи*, ¹⁾ неимѣвшіе определенной численности. Для ближайшаго управленія аймаками, нойны роздавали ихъ своимъ дальнимъ родственникамъ или избраннымъ лицамъ, которые, отъ слова цзисаи, назывались *Цзайсанъ*,

---

¹⁾ *Цзисаи* назывались собственно небольшіе удѣлы, данныя духовенству для его содержанія.

или Зайсангъ. Право управленія аймаками и цзисаями переходило въ потомство, но съ ограниченіями, такъ какъ нойонъ, дававшій аймакъ въ управленіе извѣстному лицу, могъ отнять его, и передать другому, принимавшему въ свою очередь званіе зайсанга.

Каждый аймакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ *хотоновъ* или группъ, близко родственныхъ между собою семействъ, кочующихъ нераздѣльно на данной мѣстности. Эту группу составляли: пра-дѣдъ, дѣдъ и отецъ съ сыновьями и внуками; правителемъ хотона былъ глава семейства («ага»), старецъ, старѣйшина, нынѣ *хотонный староста*.

Калмыки принесли въ Россію изъ Зюнгаріи вышеозначенное общественное устройство, основанное на началахъ воинственно-патріархальнаго родоваго ихъ быта.

Предводительствуемые Хо-Урлюкомъ, *Тайшю* торгоутскаго поколѣнія, калмыки имѣли уже сословное дѣленіе: нойоновъ, зайсанговъ и простолюдиновъ; присоединявшіеся же впослѣдствіи къ этимъ калмыкамъ тайши другихъ поколѣній, съ своими подвластными калмыками, подчинялись власти находившагося въ Россіи тайши.

Русское Правительство, предоставивъ калмыкамъ кочевать на принадлежащей ему территоріи и оставляя неприкосновенными сословныя права этого народа, ограничивалось въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ только договорами съ тайшами и нойонами, которые принимали на себя отвѣтственность за своихъ улусныхъ людей. Эти отношенія не измѣнились и послѣ принятія калмыками подданства Россіи въ 1661 году.

Власть калмыцкаго Тайши, относительно подчиненныхъ ему нойоновъ и подвластнаго народа, была ничѣмъ не ограничена; онъ творилъ судъ и расправу, по преданіямъ монгольскаго на-

рода и составленному въ 1640 году на създѣ въ Сибири Ойратскихъ тайшей и нойоновъ *уставу озысканій* (Цааджинъ-бичикъ); но нерѣдко также по своему усмотрѣнію и произволу; въ случаѣ же сопротивленія или ослушанія кого либо изъ его подчиненныхъ, Русское Правительство силою оружія усмиряло недовольныхъ. Самовластіе тайшей получило еще болѣе значенія, когда въ 1690 году пожалованъ былъ Далай-Ламою тайшѣ Аюкѣ титулъ *Хана калмыцкаго народа*. Правительство не обратило никакого вниманія на присвоеніе однимъ изъ его подданныхъ титула, который ставилъ его въ независимое положеніе и возвышалъ въ глазахъ не только подвластнаго ему народа, но и всѣхъ соплеменниковъ, кочевавшихъ въ Азіи.

Сохранившіеся документы того времени не заключаютъ въ себѣ ни свѣдѣній о послѣдовавшихъ по этому случаю распоряженіяхъ Правительства, ни даже указаній, какіе именно оно имѣло виды, дозволяя одному изъ своихъ подданныхъ принять подобный титулъ. Вѣрнѣе всего можно предположить, что Правительство, не имѣя точныхъ свѣдѣній объ іерархіи этого народа, не признало возможнымъ и необходимымъ отказать Аюкѣ въ присвоеніи имъ этого званія. Такимъ образомъ, въ послѣдующихъ затѣмъ сношеніяхъ съ калмыцкою ордою, Аюка именуется уже *Ханомъ калмыцкаго народа* и хотя, по смерти его въ 1724 году, Правительство приняло на себя инициативу въ избраніи этому народу хановъ, но болѣею частію случалось такъ, что назначеніе Правительства было только номинальное; непризнаваемое потомками тайшей и нойонами, возводившими нерѣдко въ званіе хана лицъ вопреки желанію Правительства.

Весьма естественно, что подобный порядокъ не могъ быть терпимъ Правительствомъ и потому, послѣ бѣгства калмыковъ изъ Россіи въ 1771 году, званіе хановъ и ихъ намѣстниковъ

было уничтожено. И хотя послѣднее званіе было снова восстановлено въ началѣ текущаго столѣтія, по проискамъ Дербетевскаго тайши Чучея Тундутова, но со смертію его, въ 1803 году, болѣе уже не возобновлялось.

Послѣ бѣгства калмыковъ, Правительству представлялся весьма удобный случай обратить всѣхъ оставшихся въ Россіи калмыковъ *въ казенное вѣдомство*, водворить порядокъ въ управленіи народомъ, вывести его изъ того изолированнаго положенія, въ которомъ онъ находился; вмѣстѣ съ тѣмъ представлялась возможность, если не совершенно уничтожить, то по крайней мѣрѣ парализовать самовластіе и произволъ высшихъ сословій этого народа. Къ сожалѣнію, Правительство, не рѣшаясь приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, сдѣлало, напротивъ, весьма важную ошибку, усиливъ еще болѣе власть нойоновъ предоставленіемъ каждому изъ нихъ отдѣльнаго управленія своими улусами, численность которыхъ была увеличена еще оставшимися калмыками, бывшими подвластными бѣжавшаго намѣстника Хана-Убаши.

Этимъ распоряженіемъ Правительство подготовило себѣ немаловажное затрудненіе, которое не замедлило представиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Такъ въ слѣдующемъ же 1772 году, по поводу происходившихъ волненій въ Дербетевскомъ улусѣ, калмыки котораго, не желая подчиняться нойону, намѣрены были послѣдовать за бѣжавшими въ Китай своими соплеменниками, Астраханскій Губернаторъ Бекетовъ предложилъ Дербетевскому нойону Цебекъ-Убаши передать управленіе улусомъ его родственнику Цендень-Дорджи, а самому жить въ городѣ Царицынѣ ¹⁾. Но Цебекъ-Убаши не исполнилъ приказанія Губернатора; а какъ обстоятельства требовали рѣ-

¹⁾ Д. А. К. У 1771 года № 441.

шительныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ улусахъ начали возникать весьма серьезные беспорядки, то въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ были отозваны въ Петербургъ трое главныхъ нойоновъ: Яндыкъ, Асарха и Цебекъ-Убаши ¹⁾).

По смерти нойоновъ: Яндыка въ 1772 году и Хошоутовскаго Замьяна въ 1773 году, Губернаторъ Бекетовъ, сознавая, что поддерживать порядокъ въ управленіи калмыками невозможно при тѣхъ правахъ, которыя были предоставлены нойонамъ, полагалъ, болѣе прочнымъ и полезнымъ, *изгнать эти улусы изъ владѣльческаго вѣдѣнія*, о чемъ и представлялъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ ²⁾. На это категорическое заявленіе послѣдовалъ весьма уклончивый отвѣтъ, выраженный въ именномъ указѣ 30 апрѣля 1774 года на имя Губернатора Кречетникова (смѣнившаго Бекетова), именно: «разсмотрѣть на какомъ основаніи и съ лучшею пользою содержимы могутъ быть «улусы, оставшіеся послѣ умершихъ нойоновъ: Яндыка и Замьяна».

Такимъ образомъ вопросъ о сомнительности и прочности правъ нойоновъ на подвластныхъ имъ калмыковъ былъ уже въ виду Правительства, но оно не рѣшалось приступить тогда къ какой либо болѣе энергической мѣрѣ, собственно потому, что опасалось удаленія остальныхъ калмыковъ изъ предѣловъ Россіи. Это опасеніе, удержавшееся даже до половины нынѣшняго столѣтія, высказывалось преимущественно лицами, поверхностно знавшими характеръ народа, отношенія его къ той массѣ осѣдлаго населенія, которое окружаетъ степь, а главное совершенно не понимавшими тѣхъ условій, въ которыя были по-

---

¹⁾ Д. А. К. У. 1772 года №¹⁴/17. Яндыкъ во время пути умеръ на Дону, въ Островской станицѣ, а Цебекъ-Убаши и Асарха въ Петербургѣ въ 1774 году.

²⁾ Д. А. К. У. 1772 года № 10.

ставлены калмыки, оставшіеся въ Россіи, лишенные всякой возможности послѣдовать за своими бывшими соплеменниками. Этотъ взглядъ отражался постоянно на всѣхъ распоряженіяхъ Правительства,—иначе никакъ нельзя объяснить ту осторожность и излишнюю предупредительность Правительства, которыя постоянно выражались въ изданныхъ законоположеніяхъ, относившихся до управленія калмыками.

Очевидно, что при такомъ, хотя и не на чемъ не основанномъ опасеніи и при отсутствіи точныхъ свѣдѣній о положеніи этого, совершенно подвластнаго и вполнѣ покорнаго народа, Правительство, желая вводить въ среду его благоустройство и гражданственность, постоянно дѣйствовало какъ бы ощупью, и эта осторожность была главною причиною тому, что калмыки остаются и до настоящаго времени какимъ то отчужденнымъ, изолированнымъ народомъ, съ своими особыми правами и привилегіями среди окружающаго ихъ степь, трудолюбиваго и предприимчиваго осѣдлаго населенія.

Предварительно указанія на тѣ распоряженія, которыя послѣдовали со стороны Русскаго Правительства для утверженія правъ высшихъ сословій калмыцкаго народа, представляется полезнымъ ближе ознакомиться съ сущностью и характеромъ отношеній этихъ сословій къ простолюдинамъ, въ то время, когда Правительство, предоставляя тайшамъ и ханамъ управленіе народомъ, еще не касалось его бытовыхъ сословныхъ правъ и порядковъ.

Воинственный духъ Калмыковъ-Ойратовъ, сложившійся подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній и борьбы между отдѣльными поколѣніями, кочевавшими въ Средней Азійи, повелъ къ подчиненію массы народной преобладающему вліянію отдѣльныхъ лицъ, которыя имѣли первоначально лишь военно-дисциплинарное зна-

чеченіе въ средѣ народа. Этими лицами являлись нойовы, изъ коихъ старшіе въ родѣ становились тайшами, контайшею или ханомъ. Самая этимологія слова—*нойонъ*-начальникъ, предводитель указываетъ, что власть этого лица, въ отношеніяхъ его къ простому народу, должна была ограничиваться только начальствованіемъ въ военное время, и что обязательныя отношенія низшаго сословія заключались только въ поставленіи извѣстнаго числа вооруженныхъ воиновъ и въ сборѣ необходимыхъ припасовъ для содержанія войска и для общественныхъ надобностей, *нутугинъ-гарудъ*, на нужды нутука, т. е. кочевья извѣстной части народа. Количество этого сбора обусловливалось встрѣчавшейся необходимостью, такъ что эта повинность первоначально не была постоянною, а измѣнялась, сообразно обстоятельствамъ. Впослѣдствіи, съ усиленіемъ самовластия нойоновъ, произволь ихъ не имѣлъ границъ; въ извѣстныхъ случаяхъ они брали отъ простолюдиновъ сколько вздумается, нерѣдко лишая ихъ послѣдняго достоянія.

Подобная произвольная система сбора поддерживалась долгое время и по прибытіи калмыковъ въ Россію. Изъ сохранившихся документовъ извѣстно, что тайша Хо-Урлюкъ, прикочевавъ съ подвластнымъ ему народомъ на пустынные приволжскія степи, подчинилъ своей власти кочевавшихъ здѣсь татаръ, и не смотря на то, что они были уже данниками Россіи, обложилъ ихъ налогомъ, количество котораго измѣнялось по усмотрѣнію тайшей.

Произволь нойоновъ постоянно вызывалъ протесты со стороны лицъ, находившихся въ обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ; но Русское Правительство, само парализовавшее свое вліяніе на эту орду, не имѣло въ то время возможности ни усранять произволь высшихъ сословіи, ни укрощать его силою, хотя калмыки и считались подданными Россіи. Первые попытки

Правительства установить нормальный сборъ съ калмыковъ начались не ранѣе второй половины прошедшаго столѣтія. Такъ въ 1786 году, по смерти Дербетевскаго нойона Галданъ-Церепа, оставившаго по себѣ множество долговъ разнымъ лицамъ, *Командовавшій при калмыцкихъ дѣлахъ* подполковникъ Кишенской приказалъ собрать для уплаты долга по 1 рублю съ кибитки и впредь до совершеннолѣтія наследника этого нойона Цебекъ-Убаши, собирать въ пользу его по 70 копѣекъ. Эта норма была утверждена коллегіей иностранныхъ дѣлъ, въ указѣ 18-го января 1786 года ¹⁾. Въ то же время, по приглашенію начальства, намѣстникъ ханства Убаши и нойонъ князь Алексѣй Дондуковъ установили опредѣленную плату съ каждой кибитки подвластныхъ имъ калмыковъ по 1-му рублю въ годъ и, въ случаѣ необыкновенныхъ требованій, до 4-хъ рублей, смотря по состоянію плательщиковъ ²⁾; прочіе же нойоны брали когда и сколько имъ заблагоразсудилось. По смерти Дондукова подать-албанъ ³⁾ была положена по 4 рубля съ кибитки. Но по бѣдности народа, этотъ сборъ оказался обременительнымъ; и потому, вслѣдствіе жалобы калмыковъ, Астраханскій Губернаторъ предписалъ 17-го декабря 1785 года опекунамъ этого улу са установить цифру сбора. По общему согласію, они опредѣлили собирать отъ 1-го до 4-хъ рублей въ годъ съ кибитки смотря по состоянію плательщиковъ.

Этими распоряженіями не былъ однако же ограниченъ тотъ произволъ въ сборѣ нойонами албана съ подвластныхъ имъ калмыковъ, который существовалъ въ улусахъ. Правительство какъ бы устраняло себя отъ всякаго вмѣшательства въ э

¹⁾ Д. А. К. У. 1786 года № 6. Отд. истор.

²⁾ Тоже 1785 года № 14.

³⁾ Слово *албанъ* происходитъ отъ глагола *албархэ*, означающаго на ойратско-языкъ: платить дань, подать. *Албату*-дѣвникъ, платящій подать.

дѣло. Такъ по возникшимъ въ 1801 году повсемѣстно въ улусахъ жалобамъ калмыковъ на обременительность налоговъ, требуемыхъ нойонами, Правительство ограничилось только предписаніемъ лицамъ, находившимся при мѣстномъ управленіи калмыками: «присматривать стороною, чтобы нойоны не разоряли *слишкомъ* своихъ подвластныхъ» ¹⁾). Такая нерѣшительность въ дѣйствіяхъ только усугубляла своеволие грубыхъ и развратныхъ нойоновъ, нисколько не заботившихся о подвластныхъ имъ калмыкахъ, благосостояніе которыхъ постоянно служило источникомъ для празднои и развратной ихъ жизни. Въ подтвержденіе этого можно бы привести множество указаній, сохранившихся въ дѣлахъ Калмыцкаго Управленія. Такъ напр.: въ началѣ нынѣшняго столѣтія расточительная и развратная жизнь Харахусовскаго нойона Джиргала довела калмыковъ этого улуса до нищеты, и хотя Правительство вынуждено было устранить его отъ управленія улусомъ, но сдѣланные имъ долги болѣе 40 т. рублей были разложены на подвластныхъ ему калмыковъ, не смотря на ихъ бѣдность. Въ 1817 году, Яндыковскій нойонъ Церенъ-Убаши, въ теченіе 10 мѣсяцевъ со времени вступленія въ управленіе улусомъ, собралъ съ 2½ тысячъ кибитокъ болѣе 100,000 руб. ²⁾). Малодербетевскій нойонъ Эрдени Тундутовъ собиралъ съ кибитки по 75 рублей и умеръ, оставивъ болѣе 100 т. руб. долга разнымъ лицамъ ³⁾). Замѣчательно, что ни одинъ еще нойонъ не умиралъ, не оставивъ по себѣ долговъ на десятки и сотни тысячъ. Такъ умершіе въ шестидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія нойоны: Церенъ-Джабъ и Церенъ-Норбо-Тюмени и Цанджинъ Тундутовъ оставили послѣ себя долговъ до 30 т.

¹⁾ Д. А. К. У. 1801 года № 736.

²⁾ Д. А. К. У. 1826 года № 6/6177.

³⁾ Д. А. К. У. 1823 года № 14/6185.

рублей каждый, уплата коиъ производится и до настоящаго времени изъ доходовъ, слѣдуемыхъ въ пользу ихъ наслѣдниковъ.

Такимъ образомъ та система народной повинности, которая обуславливалась нѣкогда военно-кочевымъ положеніемъ народа и его спокойствіемъ, получивъ другое примѣненіе, сдѣлалась источникомъ зла и произвола для лицъ высшаго сословія, права котораго въ этомъ случаѣ не находятъ себѣ подтвержденія даже въ установленныхъ временемъ обычаяхъ. Правительство же, передавъ оставшихся въ Россіи калмыковъ въ управленіе нойонамъ и устраняя отъ себя разсмотрѣніе ихъ правъ и отношеній къ простолюдинамъ, давало еще болѣе просторъ ихъ произволу.

Подобныя отношенія не могли оставаться безъ измѣненія; Правительство вынуждено было принять наконецъ мѣры къ водворенію порядка въ управленіи калмыцкимъ народомъ и ближайшимъ образомъ опредѣлить его сословныя отношенія.

О послѣдовавшихъ по этому предмету распоряженіяхъ будетъ сказано ниже; въ настоящее же время необходимо упомянуть еще о томъ положеніи калмыковъ-простолюдиновъ, которое безъ всякаго основанія ставило ихъ въ рабскія отношенія къ нойонамъ.

Выше объяснено уже какъ произволъ хановъ и нойоновъ, относительно имущества подвластныхъ имъ калмыковъ, не имѣлъ предѣловъ; но этимъ не ограничивались самовластіе и деспотизмъ высшихъ сословій. Самая жизнь калмыка-простолюдина зависѣла отъ воли и каприза лицъ, присвоившихъ себѣ власть надъ народомъ. Ханы и нойоны, нерѣдко безъ всякаго суда и расправы, лишали жизни простолюдиновъ и такіе поступки, какъ напр. внука хана Аюки, Натыра-Дорджи, который не пропускалъ почти ни одного дня, не совершивъ

хотя одного убійства. Если не попадался ему человекъ, то онъ убивалъ первое попавшееся ему подъ руку животное ¹⁾).

Въ дѣлахъ архива Калмыцкаго Управленія сохранилось множество указаній существовавшего произвола нойоновъ, относительно подвластныхъ имъ калмыковъ, которыхъ они продавали, дарили и отдавали, за свои долги, цѣлыми семействами разнымъ лицамъ другихъ сословій. Этому самовластию еще болѣе способствовалъ послѣдовавшій 16 ноября 1737 года манифестъ, по поводу перенеси крестьянъ и разночинцевъ, не положенныхъ въ подушный окладъ.

Пунктомъ шестымъ этого манифеста ²⁾ дозволялось лицамъ всѣхъ сословій и званій покупать калмыковъ, крестить ихъ и держать у себя безъ всякаго платежа за нихъ подушныхъ денегъ, доставляя только свѣдѣнія о числѣ находящихся у нихъ калмыковъ въ Губернскія и Воеводскія канцеляріи. Было повелѣно, по полученіи отписи, что калмыки предъявлены, оставлять ихъ у тѣхъ лицъ, отъ кого объявлены, *неотземлемыми*. За тѣмъ указомъ 12 мая 1744 года ³⁾, вслѣдствіе возникшаго недоразумѣнія, было разъяснено, что «калмыковъ, которые приходятъ и просятъ на волю безъ всякаго письменнаго вида отъ помѣщиковъ, такихъ за такое своевольство наказывать батогами и отдавать тѣмъ помѣщикамъ и прочимъ, потому что по указу 1737 года повелѣно быть калмыкамъ, у кого объявлены, *неотземлемыми*, почему они стали быть уже равно *яко ихъ крепостные*».

Если при изданіи манифеста 1737 года была проведена мысль законодателя объ оставленіи у хозяевъ *неотземлемыми* только такихъ калмыковъ, которые были взяты съ малолѣтства,

¹⁾ Д. А. К. У. 1723 года, № 23.

²⁾ П. С. З. Т. X 1737 года, № 7438.

³⁾ П. С. З. Т. XII 1744 год., № 8941.

окрещены и стоили хозяевамъ не малыхъ расходовъ на воспитаніе и обученіе ихъ, то послѣдовавшій, для разъясненія этого манифеста, указъ 1744 года окончательно закрѣплялъ калмыковъ за ихъ покупателей, устрашая калмыковъ даже батогами за желаніе освободиться на волю. Эти два указа дали поводъ къ громадѣйшимъ злоупотребленіямъ; торговля калмыками начала открыто производиться на рынкахъ ближайшихъ къ калмыцкой степи городовъ и селеній, люди продавались иногда за самую ничтожную цѣну. Калмыцкіе нойоны и зайсанги воровали и отбивали другъ у друга цѣлыя семьи для продажи. Процедура закрѣпощенія была немногосложная; духовенство обыкновенно представляло промеморію, что такіе-то калмыки окрещены, а Губернская или Воеводская канцелярія выдавала отпись, что они поступаютъ въ холопы къ такому-то,—и конецъ дѣлу; въ случаѣ жалобъ калмыковъ—недовольнымъ предстояли батоги.

Зная характеръ и отношенія высшихъ калмыцкихъ сословій къ простолюдинамъ, легко представить себѣ тѣ вопіющія злоупотребленія, которыя совершались въ улусахъ, и потому становится понятнымъ, что Правительство, желая положить какую-нибудь преграду воровству людей въ улусахъ, признано необходимымъ объявить въ 1749 году ¹⁾, что будетъ взыскиваться штрафъ 20 рублей за cadaго украденнаго калмыка или калмычку, а кому платить будетъ нечѣмъ, тѣхъ приказано было *наказывать публично плетми*. Но этимъ распоряженіемъ нисколько не уменьшилось укоренившееся зло; правами закрѣпощенія калмыковъ пользовались всѣ имѣвшіе къ тому хотя малѣйшую возможность, особенно лица, стоявшія во главѣ управленія. Въ дѣлахъ Калмыцкаго Управленія сохранилось

---

¹⁾ Д. К. А. У. 1749 года № 284. Именной указъ Императрицы Елисаветы Петровны.

очень много фактовъ о выдачѣ отписей Астраханскому Губернатору, Генераль-Поручику Никитѣ Афонасьевичу Бекетову на калмыковъ, подаренныхъ ему или купленныхъ для населенія его имѣній по нѣскольку десятковъ семействъ у калмыцкихъ нойоновъ Замьяна, князя Дундукова и другихъ. Рыбпромышленники и всѣ, кто только имѣлъ возможность, закрѣпощали калмыковъ за недоловъ рыбы и другіе долги. Словомъ купля, продажа и закрѣпощеніе производились въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что Правительство вынуждено было въ 1808 году, въ отмѣну существовавшихъ законоположеній, назначить обязательное время служенія калмыковъ тѣмъ лицамъ, которыя приобрѣли ихъ мѣною или покупкою, затѣмъ въ 1819 году ограничить права владѣльцевъ на купленныхъ ими калмыковъ 25-ти лѣтнимъ возрастомъ послѣднихъ, и наконецъ въ 1825 году совершенно воспретить продажу калмыковъ ¹⁾).

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Русское Правительство, принимая калмыцкій народъ подъ свое покровительство, оставляло первоначально неприкосновенными сословныя его отношенія; но послѣ бѣгства большей части калмыковъ изъ Россіи, въ 1774 году, Правительство, предоставивъ нойонамъ управлять каждому своимъ улусомъ отдѣльно, начало вводить безъ всякаго основанія *крѣпостное право* у калмыковъ, тогда какъ *при военно-кочевомъ бытѣ* этого народа, нойоны или родоправители *не имѣли права владѣть землею, а тѣмъ меньше людьми.*

Поддерживаемое, издаваемыми законоположеніями крѣпостное право слагалось незамѣтно. Такъ указомъ Сената 27-го іюня 1785 года за № 3517 ²⁾, было подтверждено, что нойовы имѣ-

¹⁾ П. С. З. Тозы XXX, XXXVII и XL, № 30,528.

²⁾ Д. А. К. У. 1820 года, № 215.

ють право продавать и дарить подвластных имъ калмыковъ; когда же злоупотребленія высшихъ сословій, какъ-то: непо-мѣрные налоги и необузданное своеволие стали усиливаться до того, что калмыки начали бѣгать отъ нойоновъ, то Министерство Иностранныхъ Дѣлъ предписало въ 1821 году Главному при калмыцкомъ народѣ Приставу, имѣть наблюденіе и благо-разумными мѣрами не допускать, чтобы калмыки откочевыва-ли отъ своихъ нойоновъ, подъ предлогомъ неудовольствій, такъ какъ они, принося жалобы, стараются быть независимыми отъ нойоновъ и освободиться отъ возлагаемыхъ на нихъ повинностей¹⁾).

Поставивъ такимъ образомъ калмыковъ-простолюдиновъ, во-преки ихъ основному бытовому праву, въ полную зависимость отъ ихъ нойоновъ, Правительство, при изданіи въ 1825 го-ду правилъ для управленія народомъ, находилось въ затрудне-ніи при опредѣленіи сословныхъ отношеній. При отсутствіи по-ложительныхъ правовыхъ основаній и подчиняясь идеѣ о крѣ-постной зависимости калмыковъ, оно впервые назвало нойо-новъ *владѣльцами*, не объяснивъ однако ни отношеній этихъ «владѣльцевъ» къ подвластнымъ имъ калмыкамъ, ни того по-ложенія, которое они должны занимать въ общемъ государ-ственномъ строѣ, сравнительно съ другими сословіями. Впро-чемъ, недостатокъ положительныхъ свѣдѣній о сословныхъ пра-вахъ калмыцкаго народа, Правительство надѣялось восполнить при посредствѣ комисіи, учрежденной для управленія кал-мыцкимъ народомъ, на которую, въ этихъ видахъ, § 28 пра-вилъ 1825 года, возложено было собрать свѣдѣнія:

1) Объ отношеніяхъ владѣльцевъ (нойоновъ) къ духовен-ству и о степени власти ихъ надъ зайсангами, а также на подвластныхъ аймачныхъ или *собственныхныхъ людей*.

---

¹⁾ Д. А. К. У. 1821 года, № 340.

2) О таковыхъ же обязанностяхъ къ тѣмъ и другимъ зайсанговъ.

3) О степени зависимости подвластныхъ и о повинностяхъ, отправляемыхъ ими въ пользу владѣльцевъ, зайсанговъ и духовенства.

4) О обязанностяхъ, отправляемыхъ собственными калмыками въ пользу господъ своихъ ¹⁾.

и 5) О степени власти духовенства и ихъ обязанностей, вліяніи его на дѣла между народа, на владѣльцевъ, зайсанговъ и простолюдиновъ.

А какъ главный надзоръ за управленіемъ дѣлами калмыковъ и ихъ благосостояніемъ порученъ былъ уполномоченному отъ Министерства Главноуправляющему въ Кавказскомъ краѣ, то занимавшій въ то время эту должность Генералъ отъ Инфантеріи Ермоловъ предложилъ калмыцкому суду Зарго опредѣлить сколько каждая кибитка должна платить въ годъ въ пользу владѣльца и на содержаніе управляющаго аймакомъ зайсанга ²⁾; но Зарго уклонился отъ прямого ответа.

Между тѣмъ произволь нойоновъ (владѣльцевъ), относительно сбора албана съ калмыковъ, служилъ постояннымъ поводомъ къ жалобамъ послѣднихъ, спорамъ и столкновеніямъ между владѣльцами за право управленія улусами. Какъ эти, такъ и другіе безпорядки въ улусахъ вынудили Правительство командировать лицо, облеченное болѣе обширною властію, для разбора этихъ столкновеній, водворенія порядка и спокойствія въ улусахъ.

---

¹⁾ Этотъ пунктъ служить лучшимъ доказательствомъ, что Правительство, совершенно игнорируя слово нойонъ и даже не упоминая его въ изданныхъ правилахъ, назвало нойоновъ «владѣльцами» или «господами», помѣщиками, полагая, что подвластные имъ калмыки находятся въ крѣпостной зависимости.

²⁾ Д. А. К. У. 1826 года, № 2/41.

Прибывшій въ 1827 году съ этою цѣлю въ Астраханскую губернію, Сенаторъ Энгель, собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и удостовѣрившись, что поводомъ къ безпорядкамъ въ улусахъ, кромѣ другихъ причинъ, служила также и неограниченная власть нойоновъ, которымъ правила 1825 года, въ качествѣ владѣльцевъ, дали еще болѣе простора для произвольныхъ дѣйствій, призналъ необходимымъ совершенно измѣнить существующія правила для управленія народомъ.

Вновь изданнымъ, Высочайше утвержденнымъ 24 ноября 1834 года, Положеніемъ хотя и признаны права нойоновъ-владѣльцевъ надъ подвластными имъ калмыками, но тѣмъ же Положеніемъ постановлены и твердыя начала къ ослабленію въ нойонахъ понятій *о собственности принадлежащихъ имъ калмыковъ*, и къ сближенію существа ихъ власти съ властію обыкновенныхъ, отъ Правительства назначаемыхъ, чиновниковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены сословныя ихъ права. Такъ *служащимъ* нойонамъ-владѣльцамъ предоставлялись (§ 143) права дворянъ личныхъ или потомственныхъ, сообразно существовавшихъ правилъ и преимуществъ по службѣ; относительно же *неслужащихъ* нойоновъ, хотя и не было объяснено: какими правами они должны пользоваться, но предоставлено (§ 142) принимать, наравнѣ съ дворянами, поступающихъ въ военную службу дѣтей нойоновъ ¹⁾.

Сборъ съ калмыковъ какъ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ улусовъ, опредѣленъ по 28 рублей 50 копѣекъ асс. съ кибитки (§§ 218—220), изъ коихъ 25 р. поступали въ пользу владѣльца, 2 р. въ пользу зайсанга, остальные же на со-

---

¹⁾ До изданія этого Положенія, нойоны произвольно изымали себя *князьями*. Этотъ титуль, безъ всякаго основанія, вѣроятно по незнанію правъ нойоновъ, встрѣчается нерѣдко и въ официальной перепискѣ того времени, что еще болѣе поддерживало уверенность ихъ въ правахъ на этотъ титуль.

ержаніе калмыцкаго Управленія, которое до этого времени, в теченіе 200 лѣтъ, было содержимо на счетъ Русскаго Правительства. Этотъ сборъ, переложенный въ 1840 году на серебро, существуетъ и до настоящаго времени въ прежнемъ размѣрѣ.

Кромѣ того, воспрещено нойонамъ раздроблять улусы и аймаки между наследниками, съ тѣмъ, чтобы они передавали ихъ старшимъ въ родѣ; отняты у нойоновъ права назначать присаиговъ и передавать аймаки отъ одного къ другому; воспрещено продавать, закладывать и дарить кому бы то ни было своихъ подвластныхъ калмыковъ. Напротивъ того (§ 136) возложено нойонамъ въ обязанность заботиться о благосостояніи народа, наблюдать за сохраненіемъ тишины и спокойствія въ улусахъ; въ случаѣ же допущенія ими беспорядковъ, разбоя, грабежа, смертоубійства, отгона скота и проч., нойоны за слабый надзоръ сдѣланы отвѣтственными предъ закономъ.

При изданіи новаго, Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1847 года, Положенія для управленія калмыцкимъ народомъ, основныя права нойоновъ остались безъ измѣненія; но § 32 предоставлено имъ сохранять все принадлежащія по происхожденію права и управленіе подвластными калмыками, въ случаѣ принятія христіанской вѣры, и даже тогда (§ 33), когда съ нойономъ обратятся въ христіанство подвластные имъ калмыки, пока нойонъ не изъявитъ желанія передать ихъ въ казенное вѣдомство. Въ семь случаевъ, взаимнѣ дохода съ прежнихъ подвластныхъ, нойону выдается ежегодно равная оному сумма изъ казны; если же калмыки, принадлежащіе нойону-надѣльцу, остающемуся въ прежней вѣрѣ, примутъ христіанство, то нойонамъ, въ вознагражденіе за отходящій отъ нихъ доходъ, выдается (§ 34) одновременно отъ казны сумма, рав-

ная доходу за 5 лѣтъ, по числу семействъ, принявшихъ е крещеніе.

Земли, отведенныя калмыкамъ, считаются состоящими у нихъ на правахъ общественнаго пользованія (§ 6), и потому на земляхъ эти нойоны права собственности не имѣютъ. Въ управленіи улусомъ нойоны вступаютъ по праву наследства (§ 125) и, въ случаѣ дурнаго поведенія, устраняются отъ управленія Главнымъ Попечителемъ, съ утвержденія Начальника губерніи.

Нойоны, предѣдательствующіе въ улусныхъ управленіяхъ и Зарго (§§ 135 и 140), разрѣшаютъ дѣла подвластныхъ имъ калмыковъ не иначе, какъ совокупно съ улусными попечителями (чиновниками), которые считаются членами означенныхъ мѣстъ и подчинены Главному Управленію, вѣренному Главному Попечителю калмыцкаго народа (онъ же и Управляющій Государственными Имуществами Астраханской губерніи).

Въ улусныхъ судахъ Зарго, кромѣ нойона-владѣльца и членовъ изъ чиновниковъ: улуснаго попечителя и ихъ помощниковъ, назначаются, по выбору на улусныхъ сходахъ, два за сѣдателя отъ калмыковъ (§ 139). На обязанность улусныхъ попечителей возложено наблюденіе (§ 253), чтобы нойоны-владѣльцы не взымали болѣе дозволеннаго имъ Положеніемъ денежной повинности съ кибитки.

Такимъ образомъ этими Положеніями окончательно были уничтожены самовластіе и произволъ нойоновъ и они оставлены только управителями подвластныхъ имъ калмыковъ, получая съ нихъ слишкомъ щедрое вознагражденіе, назначенное Правительствомъ; названіе же «владѣлецъ», хотя и оставлено нойонамъ, но оно не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ нойоны не владѣютъ ни землею, ни людьми, и слово «владѣлецъ», какъ чуждое калмыцкому народу, не имѣетъ на ихъ языкѣ даже равно-значущаго названія.

б) Зайсанги.

Выше сказано, что опредѣлить начало происхожденія правъ сословія калмыцкихъ (ойратскихъ) нойоновъ положительно невозможно, по совершенному отсутствію историческихъ указаній; то же самое приходится упомянуть и о лицахъ, принадлежавшихъ къ другому привилегированному сословію этого народа, именно о зайсангахъ (дзайсанги, цзайсанги или сайдуты ¹⁾). Исторія монголовъ и потомковъ ихъ калмыковъ (ойратовъ) не представляетъ также никакихъ данныхъ о томъ, когда, кѣмъ и вслѣдствіе чего установилось это званіе. Можно предположить, что первоначально это были дальніе родственники нойоновъ, которымъ послѣдніе поручали ближайшій надзоръ за подвластными имъ калмыками и разбирательство происходившихъ между ними маловажныхъ споровъ и дѣлъ, и что для этой цѣли народъ дѣлился на аймаки (участки). Такими родственниками нойоновъ считались въ прошедшемъ столѣтіи зайсанги Тукунова и Бурудовародовъ въ Дербетевскомъ улусѣ ²⁾. Другими основаніями къ установленію этого званія было то, что нѣкоторые нойоны, по неизмѣннѣю родственниковъ, должны были поучать ближайшій надзоръ за кочевьями подвластнаго народа собымъ довѣреннымъ лицамъ изъ простолюдиновъ, отличая ихъ послѣднихъ освобожденіемъ отъ податей, или жаловать имъ то званіе за личныя услуги и вѣрную службу. Такъ напримѣръ, до настоящаго времени сохранилось въ памяти народа ожалованіе нойономъ Туцудотовымъ въ званіе зайсанговъ нѣсколькихъ человекъ своей прислуги, которымъ онъ далъ при-
омъ въ управленіе цѣлые роды калмыковъ, не имѣвшихъ зайсанговъ или выморочныхъ. Эти лица—зайсанги, получая нас-

¹⁾ Д. А. К. У. 1763 года № 8.

²⁾ Тоже 1786 года № 608.

тоящее званіе, пользовались по праву, предоставленному имъ нойономъ, извѣстною повинностію отъ порученныхъ имъ аймаковъ; напр. прислугою, скотомъ для пищи и друг., а особенныя заслуги этихъ лицъ дѣлали право управленія аймакомъ наследственнымъ.

Но какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, зайсангамъ было предоставлено права самостоятельнаго управленія народомъ, а только власть довѣреннаго лица своего нойона. Такъ въ дѣлахъ архива сохранились указанія, что сынъ зайсанга получалъ послѣ отца это званіе, но прочіе его братья и родственники оставались въ вѣдомствѣ брата на равнѣ съ прочими простолюдинами; если же отецъ хотѣлъ отдѣлять часть аймака меньшему сыну, то нойоны соглашались на это только «*изъ отънынной милости*», не въ примѣръ другимъ. Хотя зайсанги безъ особенныхъ причинъ не лишались управленія аймаками, но не смотря на это, они всегда состояли во власти нойона, который за самыя малые проступки могъ лишать ихъ права управленія аймаками. Соответственно сему, впоследствии, въ время пребыванія уже въ Россіи, когда началась повсемѣстная продажа калмыковъ-простолюдиновъ, зайсанги не имѣли этого права: оно принадлежало одному нойону. Зайсанги пользовались лишь общимъ правомъ распоряженія тѣми только калмыками, которые пріобрѣтались ими покупкою или другимъ образомъ, въ личную крѣпость.

Съ переходомъ калмыковъ въ Россію, сословіе зайсанговъ уже существовало въ народѣ, но Правительство не имѣло къ нимъ положительнаго никакихъ отношеній. Вопросъ о правахъ зайсанговъ впервые былъ поднятъ только въ 1786 году, по причисленіи Дербетевыхъ улусовъ въ казенное вѣдомство. Указомъ Кавказскаго Намѣстническаго Правленія, отъ 24-го іюня того же года, были потребованы свѣдѣнія о зайсангахъ: «и

сколько они собираютъ съ кибитки денегъ, б) кто опредѣлилъ ихъ въ это званіе, и в) по какимъ правамъ и въ какомъ сортѣ людей между народомъ они признаются?» Но вопросы эти остались безъ разрѣшенія.

Въ 1788 году, правитель того же намѣстничества предписывалъ калмыцкой канцеляріи, при составленіи списковъ зайсангамъ, не считать дѣтей ихъ и ближайшихъ родственниковъ на равнѣ съ калмыками-простолюдинами, а составить имъ особые списки, «дабы они впредь въ службѣ занимали мѣста зайсангскія, а по прежнимъ ихъ обычаямъ, могли получать въ наслѣдіе аймаки ¹⁾».

О зайсангахъ, какъ сословіи, упоминается въ Высочайшихъ грамотахъ Императоровъ: Павла 1800 года октября 14 дня, Александра I 1802 года октября 13 и Николая 1828 г. апрѣля 21, дарованныхъ калмыцкому народу.

До изданія Положенія 24 ноября 1834 года объ управленіи калмыцкимъ народомъ, права и преимущество зайсанговъ не были опредѣлены никакимъ закономъ; но изъ дѣлъ Зарго извѣстно, что зайсанги: одни по волѣ своихъ нойоновъ, другіе по праву первородства, управляли аймаками, а родственники ихъ, нося тоже названіе зайсанговъ, не отбывали повинностей, взимаемыхъ съ калмыковъ-простолюдиновъ.

Положеніемъ 1834 года отъ зайсанговъ отнято право дробить аймаки между своими дѣтьми, и вмѣнено въ обязанность передавать оные старшему въ родѣ; сборъ съ аймака ограниченъ двумя рублями ассигнаціями (нынѣ 57 коп. сер.); вмѣстѣ съ тѣмъ зайсангамъ даны права, которыхъ они не имѣли въ прежнемъ своемъ общественномъ строѣ, именно: они избавлены отъ произвола нойоновъ, которые могли лишать ихъ это-

¹⁾ Д. А. К. У. 1788 года № 195/788.

го званія, и имъ предоставлено (§ 143) званіе *почетнаго гражданства*: зайсангамъ аймачнымъ, т. е. управляющимъ аймаками, *потомственнаго*, а безаймачнымъ, не управляющимъ аймаками (изгоямъ), *личнаго*. Эти права освободили зайсанговъ между прочимъ и отъ тѣлеснаго наказанія, тогда какъ по калмыцкому уложенію они не были отъ него изъяты. Такъ въ 1780 г. калмыцкій Зарго присудилъ икицохуровскаго зайсанга къ наказанію 30 ударовъ плетью и штрафу 45 скотинъ, за намѣреніе убить харахусовскаго зайсанга ¹⁾).

Въ 1846 г., Правительство, предположивъ приступить къ заселенію дорогъ, пролегающихъ черезъ калмыцкую степь ²⁾ съ цѣлю обезопасить проѣздъ по нимъ и развитъ торговую дѣятельность въ краѣ, сочло необходимымъ пригласить къ поселенію (на половину съ русскими) нойоновъ, зайсанговъ и простолудиновъ, въ видахъ пріученія калмыковъ къ осѣдой жизни. А какъ нойоновъ въ улусахъ мало, зайсанги же аймачные или управляющіе аймаками составляютъ должностныхъ лицъ, то при вышолненіи этого предположенія Правительства имѣлись въ виду преимущественно безаймачные зайсанги. Чтобы отвлечь этихъ людей отъ тунеядной жизни и пріохотить къ поселенію, по представленію Министра Государственныхъ Имуществъ, Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 28 апрѣля 1847 года мнѣніемъ, въ дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановилъ, что если безаймачные зайсанги поселятся при учрежденныхъ на калмыцкихъ земляхъ станицахъ и будутъ заниматься земледѣліемъ, то они и дѣти ихъ пользуются правами почетнаго гражданства наравнѣ въ зайсангами аймачными.

¹⁾ Д. А. К. У. 1780 года № 5.

²⁾ Именпой указъ, данный Министру Государственныхъ Имуществъ 30-го декабря 1846 года. П. С. З. Т. XXI № 20,578.

Это постановленіе вошло въ Положеніе 1847 г. для управленія калмыцкимъ народомъ (§ 29), которымъ, кромѣ того, подтверждаются всѣ права и преимущества сословія зайсанговъ, упомянутыя въ Положеніи 1834 года.

По случаю возникшаго недоразумѣнія: *какими именно правами могутъ пользоваться дѣти безаймачныхъ зайсанговъ*, Государственный Совѣтъ, одновременно съ вышеупомянутымъ постановленіемъ о безаймачныхъ зайсангахъ, поручилъ Министру Государственныхъ Имуществъ сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи дѣтей тѣхъ безаймачныхъ зайсанговъ, которые не пожелаютъ селиться въ станпцахъ, отъ платежа повинностей, лежащихъ на простыхъ калмыкахъ, до окончательнаго заселенія дорогъ, въ теченіи пяти лѣтъ, а между тѣмъ составить и вести вѣрныя о сихъ людяхъ списки и, соображаясь съ успѣхомъ поселенія безаймачныхъ зайсанговъ, войти въ свое время съ особымъ куда слѣдуетъ представленіемъ, относительно тѣхъ безаймачныхъ зайсанговъ, которые не обратятся къ осѣдлому образу жизни.

Въ то же время послѣдовало распоряженіе о приглашеніи зайсанговъ, ихъ дѣтей и родственниковъ къ поселенію въ станпцахъ и объявлено имъ о предоставленныхъ преимуществахъ при водвореніи; но такъ какъ этимъ приглашеніемъ никто изъ означенныхъ лицъ не воспользовался, то вопросъ *о правахъ дѣтей безаймачныхъ зайсанговъ* остается неразрѣшеннымъ и до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, изъ вышеизложеннаго видно, что сословіе зайсанговъ, установленное первоначально частными лицами и имѣвшее значеніе надзирателей или управителей известной части народа, подвластнаго нойонамъ, было утверждено Правительствомъ въ такихъ правахъ, для полученія которыхъ это сословіе не имѣло никакого повода и основанія; получило же

оно законную санкцію въ этихъ правахъ собственно потому, что Правительство не имѣло положительныхъ свѣдѣній о словныхъ отношеніяхъ калмыцкаго народа. Лучшимъ доказательствомъ тому служить происходящая и до настоящаго времени переписка между Сенатомъ, Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и Главнымъ Управленіемъ калмыцкаго народа относительно опредѣленія основаній, по которымъ можно было бы предоставить калмыцкимъ зайсангамъ права, соответствующія другимъ сословіямъ государства.

III.

Образованіе улусовъ и переходъ правъ на нихъ къ нынѣшнимъ нойонамъ-владѣльцамъ.

Разсмотрѣвъ въ предшествовавшемъ очеркѣ права высшихъ сословій калмыцкаго народа, остается еще, для полноты свѣдѣній, сдѣлать хотя краткій, основанный на хранящихся въ архивѣ калмыцкаго управленія документахъ, обзоръ тѣхъ условій, которыми сопровождался какъ самое образованіе улусовъ, такъ и переходъ правъ на оныя къ нынѣшнимъ нойонамъ-владѣльцамъ.

Калмыки, кочующіе въ предѣлахъ Астраханской губерніи, въ административномъ отношеніи раздѣляются, на 7 улусовъ, изъ коихъ четыре: *Багацохуровскій*, *Эркетеневскій*, *Яндыковскій* и *Икицохуровскій*—казенные, а три: *Харахусо-Эрденевскій*, *Малодербетевскій* и *Хошоутовскій* — владѣльческіе.

1) Улусы: *Багацохуровскій* ¹⁾ и *Эркетеневскій*, въ числѣ 3086 кибитокъ, поступили въ казенное управленіе съ 1786 года, по смерти послѣдняго нойона князя Алексѣя Дондукова, паслѣдникамъ котораго, взаимнѣ калмыковъ, Всемилостивѣйше

¹⁾ Этому улусу, съ Высочайшаго соизволенія, по ходатайству народа, присвоено наименованіе *Муравьевскій*, въ память управленія Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ Генерала отъ Инфантеріи графа М. Н. Муравьева.

были пожалованы: пенсія и 1984 души крестьянъ въ Могилевской губерніи.

2) Улусы: *Яндыковскій* и *Икнцохуровскій* взяты въ казенное управленіе въ 1838 году, по смерти послѣдняго бездѣтнаго ихъ нойона Церенъ-Арши-Аюки-Ханова, какъ выморочные, порѣшенію суда Зарго, утвержденному въ 1844 году Правительствующимъ Сенатомъ. Вдовѣ этого нойона, Эльзете-Аюки-Хановой, производилась пенсія по 2,000 руб. въ годъ ¹⁾, до смерти ея, послѣдовавшей въ 1865 году.

а) Нойоны, владѣющіе улусами.

3) *Харахусо-Эрденіевскій* улусъ, при ханѣ Аюкѣ, умершемъ въ 1724 году, составлялъ часть такъ называемаго Торгоутскаго улуса, въ составъ котораго входили въ тоже время и вышеозначенные четыре казенныхъ улуса. По уходѣ намѣстника хана Убуши, въ 1774 году, съ большею частію калмыковъ изъ предѣловъ Россіи, Харахусо-Эрденіевскимъ улусомъ, состоявшимъ въ то время изъ 789 кибитокъ (въ томъ числѣ 260 подвластныхъ Убуши хана) владѣлъ Асарха ²⁾, сынъ Бакширги, внука Аюки, въ поколѣніи младшаго его сына Гунчаба. По смерти Асархи, оставшійся послѣ него улусъ, по древнему калмыцкому обычаю, раздѣлили между собою сыновья его Цаганъ-Кичикъ и Цебекъ-Убаши. Впослѣдствіи поколѣніе Ца-

---

¹⁾ Предписаніе Министра Государственныхъ Имуществъ 26-го августа 1857 года № 962.

²⁾ После бѣгства Убуши, Императрица Екатерина повелѣла: оставшихся здѣсь (при Волгѣ) его подвластныхъ калмыковъ раздѣлить между прочими владѣльцами, вознаградивъ прежде потерю ихъ собственныхъ. По сдѣланному вслѣдствіе сего раздѣлу, нойону Асархѣ, вмѣстѣ со своимъ 529 кибитокъ, дано было изъ подвластныхъ Убаши 260 кибитокъ.

ганъ Кичика, со смертью сына его Эрдени, совершенно прекратилось, и потому улусъ Асархи, раздробившійся было между его потомками, соединился снова въ рукахъ внука его *Джиргала*, сына Цебекъ-Убуши.

Въ 1853 году, Джиргаль умеръ бездѣтнымъ, оставшійся послѣ него улусъ поступилъ въ 1865 году, по наслѣдству, къ мелкопомѣстному нойону, Сотнику Церенъ-Убуши Дугарову, по рѣшенію Астраханской Судебной Палаты, утвержденному Правительствующимъ Сенатомъ признавшими Дугарова родственникомъ Джиргала по происхожденію *отъ общаго ихъ родоначальника Хо-Ерлика, дѣда Аюки*.

Семейство Дугарова состоитъ изъ его, жены и малолѣтней дочери. Кромѣ Дугарова, *въ такой же степени родства* съ умершимъ нойономъ Джиргаломъ, состоятъ мелкопомѣстные Нойоны Буяндуковы и Гюнгѣвы.

Малодербетевскій улусъ, вмѣстѣ съ Большедербетевскимъ, отошедшимъ въ 1860 году въ вѣдѣніе Ставропольскаго Губернскаго начальства, составлялъ въ прежнее время одинъ улусъ *Дербетевскій*.

Послѣ бѣгства намѣстника хана Убуши считалось въ Дербетевскомъ улусѣ 3457 кибитокъ; впослѣдствіи къ нимъ причислены еще 421 кибитка, доставшійся нойону этого улуса Цебеку-Убаши, при раздѣлѣ калмыковъ, оставшихся въ Россіи, бывшихъ подвластныхъ бѣжавшаго Убуши. По смерти Цебека-Убуши, не оставившаго послѣ себя по прямой линіи наслѣдниковъ, Дербетевскій улусъ порученъ былъ Правительствомъ *во временное управленіе* родственнику его въ боковой линіи, нойону Ценденъ-Дорджи, со смертью же послѣдняго, по Высочайшему повѣленію 30 апрѣля 1786 года, *обращенъ въ казенное вѣдомство, какъ выморочный*.

Впослѣдствіи означенный улусъ, *по именнымъ Высочай-*

шимъ указамъ, былъ жалованъ въ управленіе родственникамъ же Цебекъ-Убуши, сперва Якрему, а потомъ брату его Габунъ-Шарапу Хапчуковымъ. Въ то же время домогался получить этотъ улусъ племянникъ Цендена-Дорджи,—Чучей Тайши Тундутовъ, бывший впоследствии намѣстникомъ хана калмыцкаго народа.

Начавшіеся споры, тяжбы и распри, сперва между Чучеемъ Тайши, а потомъ между сыномъ его Эрдени и Габунъ-Шарапомъ Хапчуковымъ, не прекращались. Народъ, увлекаемый то тѣмъ, то другимъ нойономъ, постоянно волновался; въ улусѣ было отсутствіе всякаго порядка. Въ устраненіе всего этого, Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ въ 1805 году Астраханскому Военному Губернатору князю Циціанову, повелѣно было: «собрать всѣхъ зайсанговъ, объявить имъ волю Его Императорскаго Величества, чтобы они добровольно показали—кого желаютъ имѣть нойономъ: сына ли умершаго Чучея Эрдени Тайши Тундутова, или Габунъ-Шарапа Хапчукова, и взявъ въ этомъ отъ каждаго подписки, представить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, для поднесенія Его Императорскому Величеству».

По исполненіи сего, по Высочайше утвержденному 14 іюня 1809 года, докладу Коллегіи, было предоставлено во владѣніе Эрдени Тундутову 3302, а Габунъ-Шарапъ Хапчукову 609 кибитокъ. Такимъ образомъ первыя составили улусъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ *Малодербетевскаго*, а послѣдній—*Большедербетевскаго*.

Габунъ-Шарапъ Хапчуковъ умеръ бездѣтнымъ, еще до приведенія въ исполненіе означеннаго Высочайшаго повелѣнія; назначенныя ему 609 кибитокъ, по распоряженію бывшаго Главнокомандующаго въ Грузіи, Генераль-Фельдмаршала Гудовича, впредь до разрѣшенія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ,

поступили въ управленіе Эрдени Тундутова. Но вскорѣ возникла объ этихъ кибиткахъ новая тяжба: нойонша Бакбушъ домогалась присвоить ихъ во владѣніе малолѣтняго сына своего Очира Хапчукова, роднаго племянника Габунъ-Шарапа. До окончанія еще этого дѣла Эрдени Тундутовъ умеръ въ 1823 году; оставшійся послѣ него улусъ, по малолѣтству сына его Деджита, порученъ былъ мѣстнымъ начальствомъ *въ завѣдываніи опеки, подъ наблюденіемъ брата умершаго владѣльца Джамбо Тайши Тундутова*; но Азіятскій Департаментъ не только не утвердилъ таковой мѣры, но считалъ нужнымъ остановить дѣйствіе оной, на томъ основаніи, что въ числѣ кибитокъ улуса Эрдени Тундутова находятся большею частію тѣ калмыки, которые въ 1809 году, по добровольному ихъ избранію, были ввѣрены личному завѣдыванію Эрдени Тундутова, по случаю раздѣленія Дербетевскаго улуса, который впрочемъ *всегда зависѣлъ отъ распоряженій Правительства*, оставлявшаго оный или въ казенномъ вѣдомствѣ, или подчинявшаго кому либо изъ нойоновъ, по собственному своему усмотрѣнію (*не наследственно, но изъ особой Монаршей милости*); слѣдовательно, со смертію Эрдени Тундутова должна прекратиться и зависимость отъ него калмыковъ, состоявшихъ въ его временномъ управленіи, и улусъ Дербетевскій, согласно таковому, весьма полезному для калмыковъ основанію, слѣдуетъ исключить изъ вѣдомства владѣльцевъ частныхъ и сдѣлать оный по прежнему казеннымъ, оставивъ впрочемъ сыну Эрдени Тундутова, малолѣтнему Деджиту, извѣстный родъ калмыковъ, Абганерами называемыхъ (300 кибитокъ), такъ какъ они составляютъ достояніе его предковъ.

Такое мнѣніе Азіятскаго Департамента раздѣляли въ то время Астраханскій Гражданскій Губернаторъ Поповъ и Главноуправляющій Краемъ Ермоловъ. Но Государственный Со-

вѣтъ, на разсмотрѣніе котораго поступило впоследствии это дѣло, основываясь на соображеніяхъ и заключеніи Сенатора, Тайнаго Совѣтника Энгеля, бывшаго за годъ передъ тѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Астраханской губерніи для изысканія способовъ къ упроченію благосостоянія калмыцкаго народа, Высочайше утвержденнымъ 6 октября 1828 года мнѣніемъ положилъ: управление Дербетевскими улусами, по примѣру раздѣленія, бывшаго въ 1809 году, учредить такимъ образомъ, чтобы часть, бывшая въ управленіи Эрдени Тундутова, отдана была сыну его, Деджиту, а часть, бывшая въ управленіи Габунъ-Шарапа Хапчукова, поручена была племяннику его Очиру Хапчукову; затѣмъ брату Эрдени, *Джамбо Тундутову, предоставить Абганеровъ, такъ какъ онъ управлялъ ими и при жизни своего брата; по смерти же Джамбо, они поступить должны къ старшему его сыну*

Послѣ Деджита, умершаго въ 1848 году, дѣтей не осталось; ближайшій родственникъ его, двоюродный братъ Менко Очиръ Тундутовъ (сынъ Джамбо) тоже вскорѣ умеръ; затѣмъ какъ Абганеры, такъ равно и улусъ, бывший въ управленіи Деджита Тундутова, по рѣшенію Астраханской Судебной Палаты, состоявшемуся въ 1851 году, поступилъ во владѣніе сына Менко Очира, Цавджина Тундутова, умершаго въ 1865 году. Въ настоящее время этотъ улусъ находится въ опекуномъ управленіи, по малолѣтству пойна Церень-Давида Тундутова, единственнаго наследника по смерти своего отца.

5) *Хошоутовскимъ улусомъ, послѣ бѣгства изъ Россіи калмыковъ, владѣли: Замьянъ и Теке, ближайшіе между собою родственники. Во владѣніи перваго было 817 кибитокъ (въ томъ числѣ 63 собственныхъ и 754 изъ бывшихъ подвластныхъ Убуши), а у Теке 285 кибитокъ (135 собственныхъ и 150 отъ Убуши).*

Замьянъ, по смерти жены своей Данаръ, младшей сестры хана Дондокъ-Даши, съ согласія послѣдняго, вступилъ въ 1760 году въ бракъ съ Эльзе Орошиху, вдовой зюнгарскаго владѣльца Деджита, вышедшаго незадолго предъ тѣмъ изъ Зюнгаріи въ Россію; а такъ какъ она имѣла отъ перваго мужа 4-хъ лѣтняго сына *Тюменя Джиргалама*, то Замьянъ, по обычаю, усыновилъ его, имѣя въ то время отъ первой жены своей Данаръ сыновей: Теленгете и Бакбона. Впослѣдствіи, при жизни еще Замьяна, Теленгете умеръ отъ оспы, а Бакбона бѣжалъ съ намѣстникомъ Убуши въ Китай.

Въ началѣ 1773 года, Замьянъ извѣщалъ бывшаго въ то время Астраханскаго Губернатора, Генераль-Поручика Бекетова, что подвластный ему улусъ оный завѣщаетъ симъ письмомъ, *если будетъ на то милость Государыни Императрицы*, женѣ своей Эльзе Орошиху и усыновленному имъ пасынку 15-ти лѣтнему Тюмень Джиргалану.

Вскорѣ послѣ сего Замьянъ умеръ; оставшійся послѣ него улусъ Губернаторъ Бекетовъ поручилъ, впредь до Высочайшей Государыни Императрицы резолюціи, женѣ его Эльзе Орошиху, а между тѣмъ довелъ до свѣдѣнія высшаго Правительства, что оный находитъ болѣе прочнымъ и полезнымъ изъять улусъ этотъ изъ владѣльческаго вѣдомства.

Вслѣдствіе сего, въ именномъ Высочайшемъ указѣ, 30 апрѣля 1774 года, данномъ бывшему Астраханскому Губернатору Кречетникову, между прочимъ, было сказано: «надобно еще разсмотрѣть на какомъ основаніи и съ лучшею пользою «содержимъ быть имѣть улусъ, принадлежащій умершему Хошоутовскому владѣльцу Замьяну».

По смерти Эльзе Орошиху, пасынокъ Замьяна, Тюмень Джиргаланъ, былъ назначенъ присутствующими Астраханской Губернской Канцеляріи *въ видѣ Провителя Хошоутовскаго*

улуса, на что согласился и Губернаторъ Кречетниковъ 4-го августа 1774 года.

Впослѣдствіи Тюмень Джиргаланъ, владѣлецъ по отцѣ Деджитѣ, только 315 кибитокъ зюнгарцевъ (хойтовъ, 58 собственныхъ и 257 бывшихъ подвластныхъ Убуши), а по немъ старшій сынъ Сербеджабъ Тюмень *присвоили себѣ право именоваться владѣльцами Хошоутовскаго улуса*, не исключая и части, бывшей во владѣніи родственника Замьяна Теке, мужское поколѣніе котораго, со смертію сына его Люрупа, совершенно прекратилось. Но изъ дѣлъ не видно, чтобы такое право было укрѣплено за ними установленнымъ для того порядкомъ, т. е. Высочайшею властію.

На основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія, Губернаторъ Алексѣевъ хотя и далъ въ 1788 году предложеніе Астраханской Губернской Канцеляріи разсмотрѣть дѣло о правахъ Тюменя на оставшійся послѣ Замьяна улусъ, по когда Канцелярія потребовала отъ нойона Тюменя объ этомъ свѣдѣніи, то онъ отозвался, что *о правѣ владѣнія улусомъ объяснился уже лично съ Губернаторомъ Алексѣевымъ*, и затѣмъ дальнѣйшаго по сему предмету производства въ дѣлѣ не имѣется.

Выше было сказано, что у владѣльца Теке, родственника Замьяна, со смертію Люрупа, сыновей не было, а были двѣ дочери изъ которыхъ одна, будучи за мужемъ за Торгоутовскимъ владѣльцемъ Цагалаемъ, получила въ приданое половину подвластныхъ калмыковъ своего отца, а другая, по смерти Теке, сама владѣла остальною половиною. Такъ какъ по смерти Цагалая и дочери Теке, не осталось дѣтей, то Тюмень Джиргаланъ присвоилъ себѣ подвластныхъ имъ калмыковъ. Вслѣдствіе того, Хошоутовскій же нойонъ Убуши въ прошеніи, посланномъ Главноуправляющему на Кавказѣ въ августѣ

1820 года, доказывая права свои на этихъ калмыковъ, писалъ, что Тюмень завладѣлъ ими неправильно. По этому заявленію назначено было слѣдствіе, но Главный Приставъ калмыцкаго народа Кохановъ донесъ, что Убуши не представилъ доказательствъ на право владѣнія тѣми калмыками, и что означенные владѣльцы *примирились, заключивъ между собою по-любвную подписку.*

Губернаторъ Поповъ, донося о томъ же Главноуправляющему, присовокупилъ, что по соображеніи съ дѣлами прежнихъ лѣтъ, Полковникъ Тюмень едва ли имѣетъ законныя права на владѣніе Хошоутовскимъ улусомъ, почему и полагалъ истребовать отъ него ясныя доказательства; въ противномъ же случаѣ, если таковыхъ у него не окажется, вышеприведенный Высочайшій указъ 30 апрѣля 1774 года остается безъ исполненія. На представленіе это разрѣшенія не послѣдовало.

Затѣмъ, согласно предписанія Главноуправлявшаго Краемъ отъ 9-го сентября 1826 года за № 2914, Коммисія калмыцкихъ дѣлъ, журналомъ 23 октября того же года, поручила Главному Приставу калмыцкаго народа Корсакову, потребовать отъ Полковника Тюменя документы, по коимъ онъ владѣетъ Хошоутовскимъ улусомъ. Тюмень представилъ копіи: 1) съ письма хана Дондокъ-Даши, даннаго въ 1756 году владѣльцу Замьяну; 2) съ протокола Государственной коллегии Иностранныхъ Дѣлъ, коимъ Тюмень признанъ усыновленнымъ Замьяномъ; и 3) съ объясненія Тюменя Губернскому Стряпчему Сыромятникову объ оставшемся улусѣ послѣ Цагалая. Бумаги эти, по журналу Коммисіи 27 ноября, заключено было представить, вмѣстѣ съ дѣломъ, на разсмотрѣніе суда Зарго; но бумаги эти и дѣло, будучи переданы Приставу хошоутовскаго улуса Харагулову, пропали и нигдѣ не найдены.

Сенаторъ Энгель, командированный по Высочайшему по-

вельнію въ 1827 году въ Астраханскую губернію для приведенія въ порядокъ калмыцкихъ дѣлъ, вслѣдствіе поданной ему отъ торгоутовскаго владѣльца Боджи Кюбенева прошенія о неправильномъ завладѣніи Тюменемъ упомянутыми калмыками, предписывалъ 25-го октября 1827 года Коммисіи калмыцкихъ дѣлъ, разсмотрѣть это обстоятельство; но Коммисія, согласно журналу 10-го декабря того же года, 28-го января 1828 года донесла Сенатору Энгелю, что дѣла о владѣльцѣ Тюменѣ нигдѣ не оказываются и, судя по донесенію Пристава Семенова, къ розыску его нѣтъ никакихъ средствъ. Между тѣмъ, Надворный Совѣтникъ Солодовниковъ (исправлявшій должность Секретаря Коммисіи Калмыцкихъ дѣлъ), въ донесеніи своемъ Коммисіи отъ 24-го февраля 1828 года за № 334, по этому предмету присовокупилъ, что, по мнѣнію его, не слѣдуетъ дѣлать дальнѣйшихъ настояній о розысканіи дѣла и представленныхъ Тюменемъ трехъ бумагъ, потому что они нисколько не послужатъ къ доказательству правъ, по коимъ фамилія Тюмень получила во владѣніе Хошоутовскій улусъ и калмыковъ послѣ смерти владѣльца Цагалая. Вслѣдствіе того Коммисія вовсе приостановила свои дѣйствія по этому предмету.

Только спустя нѣсколько лѣтъ, по настоянію уже Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, бывшая Коммисія калмыцкихъ дѣлъ представила свое заключеніе, въ которомъ, согласно съ рѣшеніемъ суда Зарго, признала права владѣнія Хошоутовскимъ улусомъ за фамиліей Тюмень, принявъ въ основаніе своего заключенія: *единственно усмысленіе владѣльцемъ Замьяномъ пасынка его, Тюменя Джиргалана*, какъ обыкновенное въ калмыцкомъ народѣ и непротивное ихъ древнимъ обычаямъ. Заключеніе это, не приводя оное въ исполненіе, Коммисія представила 29-го мая 1829 года за № 214 на благо-

усмотрѣніе г. Управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но разрѣшено ли и чѣмъ именно означенное представленіе, изъ дѣла не видно.

Въ 1850 году, по рѣшенію Астраханской Судебной Палаты, признанъ былъ владѣльцемъ этого улуса подполковникъ *Церенъ-Джабъ-Тюмень*, какъ старшій наслѣдникъ въ родѣ Тюменевыхъ, послѣ умершаго въ 1848 году бывшаго владѣльца дяди его, *Сербеджаба Тюмень*. По смерти Церенъ-Джаба, послѣдовавшей 15-го мая 1862 года, признанъ въ правахъ владѣльца несовершеннолѣтній его сынъ, юнкеръ казачьяго полка *Церенъ-Надмитъ Тюмень*, до совершеннолѣтія котораго Хошуттовскій улусъ находится въ опекуномъ управленіи.

Кромѣ этого нойона, къ семейству Тюмень принадлежать слѣдующія лица: вдова умершаго нойона Церенъ-Норбо (брата Сербеджаба, бывшаго владѣльца этого улуса) Эльзень-Цокъ, ея сынъ Батыка и дочь Цацеликъ; дѣти умершаго сотника (крещенаго) Александра Тюмень (брата Церенъ-Джаба) сынъ Константинъ и дочери: Александра и Елисавета.

Въ числѣ лицъ, принадлежащихъ къ сословію калмыцкихъ нойоновъ, кромѣ вышеозначенныхъ трехъ нойоновъ, которымъ подвластны цѣлые улусы, находятся еще такъ называемые *мелкопомѣстные*, т. е. владѣющіе небольшимъ количествомъ кибитокъ, доставшихся имъ по правамъ наслѣдства. Эти нойоны хотя и пользуются такими же правами, какъ и нойоны-владѣльцы улусовъ, но не имѣютъ въ народѣ ровно никакого значенія; въ отношеніи же умственного развитія и образа жизни не только не отличаются отъ простолюдиновъ, но даже стоятъ ниже многихъ изъ нихъ. Въ административномъ отношеніи эти нойоны съ ихъ калмыками причислены къ тѣмъ улусамъ, къ которымъ родъ ихъ принадлежитъ по происхожденію.

Въ настоящее время составъ семействъ этихъ мелкопомѣстныхъ нойоновъ слѣдующій:

Въ Хошоутовскомъ улусѣ:

Малолѣтніе: Эрдени, Леджи и Сангаджи, дѣти умершаго нойона Саиджи *Батырова* (въ опекуномъ управленіи).

Въ Багацухуровскомъ улусѣ:

Сыновья умершаго нойона *Буюндукова*: Очиръ и Церенъ, племянники: Улюмджи, Цемгиръ и Сарангъ Осоровы.

Въ Мочагахъ:

Лиджи Гаря Табкаевъ, сынъ умершаго нойона Табки *Бѣс-яева*. Сангаджи и Бадма *Натыровы*, сыновья умершаго нойона Натыръ *Тогинова*. Дорджи *Гюнлѣевъ* и его сыновья: Лиджи, Гаря и Сангаджи Гаря.

Въ прилагаемыхъ при семъ таблицахъ показаны: въ 1-й всѣ вышеупомянутые нойоны и количество принадлежащихъ имъ кибитокъ, согласно переписи народа, произведенной въ концѣ 1868 года; во 2-й количество зайсанговъ: а) управляющихъ аймаками, б) устраненныхъ отъ управленія, в) малолѣтнихъ, имѣющихъ право получить по наслѣдству аймаки, съ показаніемъ числа кибитокъ, принадлежащихъ къ аймакамъ тѣхъ зайсанговъ; и наконецъ 3) количество скота, принадлежащаго семействамъ зайсанговъ.

Т А Б Л И Ц А I.

ИМЕНА И ФАМИЛИ ПОЙОНОВЪ.	Число принадлежащихъ имъ кибитокъ.
а) Владѣльцы улусовъ.	
1) <i>Харахусовскаго</i> : Сотникъ Церенъ Убуши Дугаровъ	2147
2) <i>Малодербетевскаго</i> : Церенъ Давидъ Тундутовъ.	7850
3) <i>Хошоутовскаго</i> : Церенъ Надмигъ Тюмень.	1851
Итого.	11875
б) Мелкопомѣстные.	
1) Семейство Батырова: сыновья Эрдени, Леджи и Сангаджи . .	88
2) — Буюндукова: сыновья Очиръ и Церенъ.	108
3) — Табкаева: сынъ Лиджи Гаря.	34
4) — Натырова: сыновья Сангаджи и Бадма	10
5) — Гюнгъевъ съ сыновьями	не имѣеть.
Итого.	240
А всего.	12115

Таблица II.

ПО УЛУСАМЪ.	Количество зайсанговъ.							
	Управляющих аймаками.		Устраненных от управления		Малолетних, утвржденных въ правахъ наследства.		Отыскивающихъ права наследства по суду.	
	Зайсанговъ.	Кибитокъ.	Зайсанговъ.	Кибитокъ.	Зайсанговъ.	Кибитокъ.	Зайсанговъ.	Кибитокъ.
1) Малодербетевскому . . . . . (5336 кибитокъ).	38	3687	5	375	11	622	3	652
2) Харахусо-Эрденеиескому . . . . . (1972 кибитки).	10	1633	—	—	2	288	1	51
3) Хошоутовскому . . . . . (1279 кибитокъ).	7	845	—	—	5	434	—	—
4) Яндыковскому . . . . . (2934 кибит.).	10	694	1	104	10	1776	1	360
5) Икицоуровскому . . . . . (2097 кибит.).	21	1429	—	—	7	543	2	125
6) Эркетеиевскому . . . . . (2154 кибит.).	8	1239	—	—	3	915	—	—
7) Багацохуро-Муравьевскому . . . . . (1794 кибит.).	18	1410	—	—	7	384	—	—
Всего	112	10937	6	479	45	4962	7	1188

Т а в л и ц а III.

ПО УЛУСАМЪ.	Число Зайсанговъ.	Количество скота, принадлежащаго семействамъ зайсанговъ.				
		Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогат. скотг.	Овецъ.	Козъ.
1) Малодербетевскому	57	304	4808	2063	9425	33
2) Харахусо-Эрденіевскому	13	61	321	180	1700	25
3) Хошоутовскому	12	14	73	113	190	20
4) Яндыковскому	22	39	138	170	710	68
5) Икицохуровскому	30	119	521	297	3621	10
6) Эркетеневскому	11	63	160	79	2000	10
7) Багацохуро-Муравьевскому	25	58	926	413	1813	38
Всего	170	658	6947	3315	19459	204

IV.

Права калмыковъ на землю, предоставленную имъ въ Астраханской губерніи.

Въ видахъ полного и всесторонняго разсмотрѣнія предоставленныхъ калмыцкому народу правъ, указаны въ настоящемъ очеркѣ распоряженія Правительства какъ тѣ, которыя имѣли цѣлю предоставить калмыкамъ пользованіе отведенною имъ территоріею, такъ равно и тѣ мѣропріятія, которыя клонились къ болѣе прочному водворенію на ней калмыковъ.

Изъ предшествовавшихъ очерковъ извѣстно, что калмыки прибыли въ русскія владѣнія въ 1630 году ¹⁾ съ торгоутскимъ тайшею Хо-Урлюкомъ и, занявъ своими кочевьями степь между рѣками Ураломъ и Волгою, начали дѣлать оттуда набѣги на русскіе города и села, подступая даже, съ тою же цѣлю, къ Астраханн. Не смотря на то, что Астрахань въ то время была оберегаема незначительною «ратью», этой силы было достаточно, чтобы отразить калмыковъ, съ значительнымъ для нихъ урономъ.

Преемники Хо-Урлюка, сыновья его Пунцукъ и другіе, не имѣя возможности силою оружія удержать за собою занятія степи, вынуждены были принять подданство Россіи.

Между тѣмъ обширность этихъ степей представляла удоб-

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. (изд. первое) 1806 г. Т. XXI, № 22135.

ное и привольное убѣжище для кочевья, вслѣдствіе чего число калмыковъ постепенно увеличивалось новыми пришельцами, которые, по слѣдамъ Хо-Урлюка, переходили изъ Азіи въ Россію значительными партіями и присоединялись къ своимъ соплеменникамъ. Законодательные акты того времени не содержатъ въ себѣ указаній, чтобы калмыкамъ, одновременно съ принятіемъ ихъ въ подданство Россіи, были положительно обозначены границы земель, предоставленныхъ для кочевья, и вслѣдствіе этой неопредѣленности, они свободно занимали всѣ тѣ степныя пространства на луговомъ (лѣвомъ) берегу рѣки Волги, гдѣ не встрѣчали какихъ либо водвореній. Болѣе смѣлые правители этого народа, какъ напр. внукъ тайши Хо-Урлюка, ханъ Аюка, рѣшались даже перекочевывать съ народомъ на нагорную сторону, т. е. на правый берегъ рѣки Волги, представлявшій въ то время одинаково пустынное степное пространство. Не встрѣчая преградъ, калмыки свободно переходили съ одного мѣста на другое, занимая своими кочевьями мѣстности, принадлежащія нынѣ къ губерніямъ: Астраханской, Саратовской, Самарской и Ставропольской, а также къ землѣ Войска Донскаго. Они доходили даже до Азова. Весьма естественно, что такое произвольное распространеніе калмыками своихъ кочевьевъ не могло наконецъ не обратить на себя вниманія Правительства; оно признало необходимымъ указать калмыкамъ предѣлы для ихъ кочевья и отвести земли, съ которыхъ они не должны были уже переходить на другія мѣста.

Первыя распоряженія Правительства въ этомъ отношеніи послѣдовали въ 1687 году, по поводу принятія въ подданство Россіи вышедшаго изъ Зюнгаріи тайши Чаганъ-Батыра, съ подвластными ему калмыками. Въ грамотѣ, даной на имя Боярина Князя В. В. Голицына, относительно отвода калмы-

камъ земель для кочевья на луговой сторонѣ, по р. Ахтубѣ, между прочимъ, было сказано: «а для лучшаго въ томъ дѣлѣ «разсмотрѣнія, посланъ къ тебѣ, ближнему Нашему Боярину «и оберегателю и дворовому воеводѣ, съ сею Нашею Великихъ «Государей грамотою, рѣкамъ Волгѣ и Дону и запольнымъ «рѣчкамъ чертежъ» ¹⁾).

Въ то же время и калмыцкому хану Аюкѣ повелѣно было призвать подвластный ему народъ съ Дона на приволжскія степи и не отдаляться отъ Волги въ другія мѣстности для кочевья. Исполнивъ это распоряженіе и сообразивъ выгоды отъ отведенной земли, ханъ Аюка обязался впоследствии не отходить отъ Волги и воспретить калмыкамъ переходъ съ луговой на нагорную ея сторону. По заключенному же на рѣкѣ Ахтубѣ, съ Казанскимъ и Астраханскимъ Губернаторомъ Апраксинымъ, 30-го сентября 1708 года договору, Аюка обѣщалъ: «кочевьемъ улусовъ своихъ отъ Волги р. я, Аюка-«ханъ, отходить не буду (ст. 1-я); всѣмъ тамошнимъ вла-«дѣльцамъ, которые были при немъ, ханъ-Аюка сказалъ самъ «и о томъ приказалъ накрѣпко и въ дальные во всѣ улусы «къ тайшамъ подъ смертнымъ страхомъ указы послать хо-«тѣлъ немедленно, чтобы отнюдь никто на нагорную сторону «р. Волги сами владѣльцы не ходили и людей своихъ не по-«сылали» (ст. 3-я) ²⁾).

Данное обязательство Аюка-ханъ снова подтвердилъ договоромъ, заключеннымъ имъ съ Губернаторомъ Апраксинымъ 5-го сентября 1710 года ³⁾).

Недовольствуясь кочевьями по волжскому побережью, калмыки начали заниматься рыбнымъ промысломъ и производили

¹⁾ П. С. З. 1687 г., Т. II, № 1245.

²⁾ П. С. З. 1708 г., Т. IV, № 2207.

³⁾ П. С. З. 1710 г., Т. IV, № 2291.

таковой какъ въ казенныхъ, такъ и откупныхъ водахъ, нарушая тѣмъ порядокъ и причиняя убытки казенному лову и арендаторамъ. Вслѣдствіе того указомъ Правительствующаго Сената 1-го сентября 1737 года предписано было отвести калмыкамъ изъ оброчныхъ водъ для рыболовства удобное мѣсто, «которое для того ихъ удовольствія изъ оброка выключить» ¹⁾.

Въ видахъ же прекращенія самовольства калмыковъ и для уменьшенія производимыхъ ими грабежей и воровства скота, указомъ Правительствующаго Сената 4-го іюля 1749 года запрещено имъ было кочевать на устьяхъ рѣчекъ Еруслана и другихъ, съ дозволеніемъ располагаться кочевьями по тѣмъ же рѣчкамъ, но выше устьевъ ²⁾.

Съ 1764 года начинаются попытки къ осѣдлому водворенію калмыковъ на отведенной имъ землѣ. Эти попытки совпадаютъ съ принятыми Императрицею Екатериною II общими мѣропріятіями по колонизаціи свободныхъ казенныхъ земель и вообще устройству сельскихъ обывателей. Судя по архивнымъ актамъ, инициатива по осѣдлому водворенію калмыковъ принадлежитъ калмыцкому нойону Замьяну, который ходатайствовалъ объ отводѣ ему, вмѣстѣ съ принадлежавшими ему калмыками, земли для поселенія. Вслѣдствіе этого ходатайства, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ представила на Высочайшее усмотрѣніе докладъ, въ которомъ, между прочимъ, разсматривались два главныхъ вопроса: полезно ли будетъ поселеніе цѣлаго калмыцкаго народа, или дозволить это только небольшому числу калмыковъ. Для разрѣшенія этого, въ томъ же докладѣ приводятся слѣдующія соображенія: «калмыцкій народъ, занимая большое пространство приволжскихъ степей и переходя кочевьями съ одного мѣста на другое, служить нѣ-

¹⁾ П. С. З. 1737 г. Т. X., № 7359.

²⁾ Тамъ же 1749 г. Т. XIII, № 9640.

которымъ прикрытіемъ пограничныхъ селъ отъ набѣговъ варварскихъ народовъ, а въ непрерывномъ передвиженіи по степи находить и собственную безопасность отъ нападеній хищниковъ. Напротивъ того, при допущеніи къ поселенію всего калмыцкаго народа, степи могутъ остаться по большей части пустыми и неминуемо сдѣлаются сборищемъ воровъ и грабителей и могутъ послужить въ послѣдствіи постояннымъ убѣжищемъ для нихъ». На основаніи этихъ соображеній, поселеніе всего калмыцкаго народа признано было преждевременнымъ и потому Высочайше повелѣно: отвести мѣсто для поселенія на первый разъ только одному владѣльцу Замьяну, назначивъ для сего на нагорной сторонѣ р. Волги урочище, подъ названіемъ *Крымскій Затонъ*, а для постройки домовъ калмыкамъ и на другія надобности при первоначальномъ обзаведеніи, ассигновать Астраханскому Губернатору по 3000 р. въ годъ ¹⁾.

Это былъ первый случай переселенія калмыковъ съ луговой на нагорную сторону р. Волги послѣ двухъ договоровъ 1708 и 1710 г. съ ханомъ Аюкою, и вскорѣ за тѣмъ, именнымъ Высочайшимъ указомъ 14-го августа 1783 г., даннымъ Поворосійскому Генералъ-Губернатору князю Потемкину, было повелѣно перевести Дербетевыхъ калмыковъ на Крымскую степь, т. е. на нагорный или правый берегъ р. Волги ²⁾.

Спустя болѣе 20 лѣтъ послѣ перехода нойона Замьяна, съ подвластными ему калмыками, для осѣдлаго поселенія на урочищѣ Крымскій Затонъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о заселеніи степи, простирающейся отъ Астрахани до

---

¹⁾ П. С. З. 1764 г. Т. XVI, № 12198.

²⁾ Тамъ же 1783 г. Т. XXI, № 15813. Степи Астраханской губерніи весьма долгое время удерживали слѣдующія названія: лежащія на правомъ берегу р. Волги назывались *Крымскою* степью, а на лѣвомъ—*Нотайскою*.

Кизляра, и объ отводѣ на ней земли татарамъ и всѣмъ желающимъ селиться, въ томъ числѣ и калмыкамъ. Въ 22 пунктѣ Высочайшаго рескрипта, даннаго 9-го мая 1785 года на имя Саратовскаго и Казанскаго Генераль-Губернатора князя Потемкина, относительно устройства Казанской губерніи и области Астраханской, сказано, между прочимъ: «калмыковъ приписать къ улусамъ, по способности ихъ обитанія; стараться ихъ поселять, одобряя къ тому ихъ начальниковъ, и споспѣшествующихъ къ тому, обнадеживая Нашею Императорскую милостию, которую Мы, по мѣрѣ заслугъ каждаго, отказать не отречемся, пожалованіемъ имъ какъ медалей, такъ и чинновъ пристойныхъ». Въ пособіе же желающимъ селиться калмыкамъ повелѣно было выдавать на каждый дворъ по 20 рублей ¹⁾. Вслѣдствіе этихъ распоряженій и перевода значительной части калмыковъ съ лѣвой луговой стороны р. Волги на нагорную, въ видахъ осѣдлаго водворенія, доступъ на эту сторону всѣмъ вообще калмыкамъ сдѣлался свободнѣе и они начали заходить своими кочевьями въ Кавказскую (нынѣ Ставропольскую) губернію. Это обстоятельство подало поводъ къ принятію мѣръ пріохотить и этихъ калмыковъ къ осѣдлой жизни. Такъ въ Высочайшемъ указѣ 18-го марта 1786 года на имя Генераль-Губернатора князя Потемкина, между прочимъ, было сказано: «Распоряженія Ваши о поселеніи калмыковъ, въ губерніи Кавказской пребывающихъ, и объ отводѣ имъ земли въ собственность, Мы приедемъ за благо». ²⁾ Въ томъ же 1786 году, по поводу зачисленія Дербетевыхъ улусовъ въ казенное вѣдомство, Высочайшимъ указомъ 30 апрѣля на имя князя Потемкина, снова подтверждалось, чтобы онъ

---

¹⁾ П. С. З. 1785 г. Т. XXII, № 16194.

²⁾ П. С. З. 1786 г., Т. XXII, № 16355.

всемѣрно старался поселять калмыковъ, ободряя ихъ къ тому выгодами и пособіями ¹⁾).

Такимъ образомъ Правительство, въ продолженіе слишкомъ 20 лѣтъ, высказывало при каждомъ удобномъ случаѣ мысль о необходимости исподоволь водворять калмыковъ на отведенной имъ землѣ; но всѣ попытки, сдѣланныя по этому предмету, не имѣли успѣха. Правда, въ дѣлахъ архива Калмыцкаго Управленія сохранились указанія, что калмыки цѣлыми аймаками заявляли желаніе приступить къ осѣдлому водворенію. Такъ напр., въ проѣздѣ правителя Кавказскаго намѣстничества Статскаго Совѣтника Алексѣева, изъ Астрахани чрезъ калмыцкія кочевья, зайсанги и калмыки, въ числѣ 400 кибитокъ, подали ему прошеніе о поселеніи ихъ на удобныхъ мѣстахъ домами, на что и послѣдовало отъ Правительствующаго Сената разрѣшеніе 25-го августа 1788 года ²⁾). Но во всѣхъ подобныхъ заявленіяхъ едвали можно видѣть хотя долю искренняго желанія перейти отъ кочевой жизни къ осѣдлой. Вѣрнѣе всего слѣдуетъ допустить, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ имъ подобныхъ, калмыки руководились главнымъ образомъ мыслью получить въ свое распоряженіе лучшія земли, денежные пособія и награды. Доказательствомъ справедливости этого предположенія могутъ служить подобнаго рода заявленія, послѣдовавшія въ нынѣшнемъ столѣтіи, а равно и то, что до настоящаго времени отъ всѣхъ попытокъ калмыковъ перейти къ осѣдлой жизни не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Выше было замѣчено, что Правительство, предоставляя калмыкамъ кочевать на луговой сторонѣ р. Волги, имѣло въ виду, что этотъ народъ непрерывными своими передвиженіями по степямъ будетъ прикрывать отъ набѣговъ хищниковъ

¹⁾ П. С. З. Т. XXII, № 16387.

²⁾ П. С. З. 1788 г. Т. XXII, № 16703.

осѣдлыя водворенія, расположенныя по берегамъ этой рѣки. Но какъ со времени послѣднихъ договоровъ хана Аюки съ Губернаторомъ Апраксинимъ калмыцкимъ улусамъ была представлена возможность свободного перехода на нагорную сторону, то мало по малу калмыцкій народъ, пользуясь здѣсь относительно лучшими пастбищами, перекочевалъ на правый берегъ, оставивъ заволжье безъ всякой защиты отъ нападений киргизовъ, которые дѣйствительно и воспользовались отсутствіемъ калмыковъ, приходили большими партіями изъ за Урала и неоднократно производили здѣсь грабежи и опустошенія. Обстоятельство это вынудило Генералъ Губернатора Гудовича просить разрѣшенія о переводѣ калмыковъ обратно на луговую сторону. Вслѣдствіе того, на имя Гудовича, послѣдовалъ 19-го апрѣля 1783 года именной Высочайшій указъ, въ 3 пунктѣ котораго сказано: «Переводъ калмыковъ съ нагорной стороны Волги на луговую признаемъ Мы полезнымъ, въ разсужденіи собственной ихъ выгоды, *обузданія Киргизцовъ* и сбереженія казны отъ лишннихъ расходовъ, на содержаніе стражи употребляемыхъ, почему и желаемъ, чтобы Вы усугубили стараніе склонить большую ихъ часть на таковой переходъ» ¹⁾).

Появленіе киргизовъ, около описываемаго времени, небольшими партіями на обширныхъ и свободныхъ степяхъ между р. Волгою и Яикомъ было только началомъ занятія этой степи киргизами.

Существовавшіе въ киргизкихъ ордахъ, кочевавшихъ за Ураломъ, безпорядки, неурядства и постоянная вражда между отдѣльными владѣльцами (султанами), вынудили одного изъ нихъ, Букея, отдѣлиться съ подвластнымъ ему народомъ, отъ

---

¹⁾ П. С. З. 1793 г. Т. XXIII, № 17118.

Большой орды и перекочевать на свободныя степи луговой стороны р. Волги, издавна уже привлекавшія киргизовъ своими обильными пастбищами и удобными мѣстами для «тебеневки», т. е. зимовки скота на подножномъ кормѣ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, султанъ Букей прикочевалъ на эти степи съ подвластными ему киргизами, а въ 1801 году, получивъ, вслѣдствіе ходатайства Астраханскаго Военнаго Губернатора Кнорринга, Высочайшую грамоту, разрѣшавшую ему кочевать между рѣками Волгою и Ураломъ, устроилъ осенью того же года свою ставку на урочищѣ *Нарынъ-пескакъ*, гдѣ она находится и до настоящаго времени.

Такимъ образомъ занятіе киргизами степи луговой стороны р. Волги окончательно отняло у калмыковъ возможность пользоваться этою степью. Вслѣдствіе этого, калмыки заняли своими кочевьями всю степь нагорнаго (праваго) берега Волги и часть Ставропольской губерніи; только одинъ Хошоутовскій улусъ кочевалъ лѣтомъ на луговой сторонѣ и часть калмыковъ переходила на *общее очередное кочевье*, нынѣ совершенно ими оставленное по неудобству и отдаваемое въ арендное содержаніе киргизамъ, въ пользу общественнаго калмыцкаго капитала.

Затѣмъ, вслѣдствіе ходатайства послѣдняго намѣстника калмыцкаго хана Чучея тайши Тундутова объ отводѣ калмыкамъ земель и указанія имъ границъ для кочевья, послѣдовалъ указъ Императора Павла, данный 27 сентября 1800 года Правительствующему Сенату. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, сказано, что: «Калмыцкимъ Малаго и Большаго Дербета владѣльцамъ и другимъ калмыцкихъ же ордъ владѣльцамъ и чиновникамъ, съ народомъ ихъ, въ Астраханской губерніи кочующимъ, Всемилостивѣйше жалуемъ во владѣніе всѣ тѣ земли отъ Царицына по рѣкамъ: Волгѣ, Сарпѣ, Салу, Манычу, Кумѣ и

«взморью, и словомъ всѣ тѣ мѣста, на коихъ до ухода за границу калмыки имѣли кочевье свое, исключая тѣхъ, кои по «уходѣ именными указами пожалованы» ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось Сенату, сочинивъ на оныя грамоту, поднести ея къ подписанію. Эта грамота выдана калмыцкому народу, въ томъ же году ²⁾).

По вступленіи на престолъ Императора Александра I, вслѣдствіе ходатайства того-же Чучея тайши Тундутова, послѣдовалъ 26 октября 1801 года указъ на имя Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ утверждены всѣ присвоенные калмыцкому народу права и преимущества, «во всей силѣ ихъ и неприкосновенности» ³⁾.

Но какъ за уходомъ калмыковъ въ китайскія владѣнія осталось ихъ весьма немного, а между тѣмъ «земель прежде во «владѣніи ихъ находившихся, не смотря, что многія изъ нихъ «розданы и заселены, кочевьями своими калмыкамъ занять не «можно», то 1-мъ пунктомъ укуза, даннаго Сенату 28 апрѣля 1802 года, Высочайше повелѣно: «отвести имъ отъ Царицы-«на до береговъ Каспійскаго моря количество земли *нужное* «для пастбы стадъ и табуновъ ихъ», съ тѣмъ, (пунктъ 3-й) чтобы «на земляхъ, калмыкамъ отведенныхъ, угодія, какъ-то: «луга, сѣнокосы, лѣса и прочее, имъ предоставить, отдавая «всякое постороннихъ людей къ нимъ притязаніе» ⁴⁾.

На основаніи этого Высочайшаго повелѣнія, всѣ распоряженія о нарѣзкѣ земли калмыкамъ возложены были на Главноуправляющаго въ Грузіи, князя Циціанова. Въ 1-мъ пунктѣ

---

¹⁾ П. С. З. 1800 г. Т. XXVI, № 19575.

²⁾ П. С. З. 1800 г. Т. XXVI, № 19599.

³⁾ Тамъ же, № 20037.

⁴⁾ П. С. З. 1802 г. Т. XXVII, № 20248.

указа, даннаго ему по сему предмету 12 іюня 1803 года ¹⁾, сказано: «земель въ томъ пространствѣ, въ какомъ назначены «они были калмыкамъ въ указѣ 27 сентября 1800 года, от- «дать имъ никакъ не можно», а потому поручено князю Циціанову: 1) вразумить калмыковъ и приготовить ихъ къ тому, чтобы они безропотно могли принять тѣ распоряженія, кои сдѣланы къ отводу имъ земель въ уменьшенномъ размѣрѣ; 2) собрать свѣдѣнія, сколько понадобится калмыкамъ земли для пастбищъ и перемѣны кочевья, сообразно временамъ года, и нарѣзавъ сію землю въ мѣстахъ для нихъ удобныхъ, означить ее чертами по урочищамъ; 3) учредить мѣста прогоновъ калмыцкаго скота къ Волгѣ на водопой; 4) такъ какъ съ отводомъ земли калмыкамъ по нагорной сторонѣ Волги, предписано было нарѣзать землю и для киргизовъ, между Ураломъ и Ахтубою, то Ахтубу опредѣлить границею для киргизовъ, а Волгу назначить предѣломъ для калмыковъ, такъ, чтобы земли между этими двумя рѣками могли оставаться свободными для заселенія, за исключеніемъ изъ нихъ мѣстъ для кочевья владѣльца Тюменя, который давно уже расположился здѣсь съ подвластными ему калмыками и завелъ хорошее хозяйство, и 5) въ заключеніе повелѣно князю Циціанову: «По симъ глав- «нымъ объ отводѣ калмыцкихъ земель правиламъ, положивъ «на мѣрѣ все то, что мѣстнымъ познаніемъ и сообразнѣйшимъ «вами признано будетъ, вы не оставите представить на Мое «утвержденіе».

Князь Циціановъ, исполнивъ возложенное на него Высочайшимъ указомъ порученіе, объ отводѣ земель калмыкамъ и другимъ народамъ, кочующимъ въ губерніяхъ: Астраханской, Кавказской (Ставропольской), и частію Саратовской, представилъ подробныя по этому предмету соображенія.

¹⁾ П. С. З. 1803 г. Т. XXVII, № 20,793.

На основаніи этихъ представленій и согласно отзыву по нимъ Астраханскаго Гражданскаго Губернатора, было составлено въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ положеніе объ отводѣ земель для кочевья инородцамъ. Это положеніе, получивъ Высочайшее утвержденіе, было препровождено, при именномъ указѣ 19 мая 1806 года ¹⁾, въ Правительствующій Сенатъ, для приведенія въ исполненіе.

Этимъ положеніемъ, служащимъ руководствомъ и до настоящаго времени, было предоставлено калмыцкому народу:

§ 1-мъ. Нагорная степь для общаго кочевья всего народа, отъ р. Волги на западъ, лежащая и ограничивающаяся, съ одной стороны дачами помѣщиковъ, казачьими и казенныхъ поселеній, съ другой Каспійскимъ моремъ и рѣкою Кумою, до селенія Владиміровскаго ²⁾ и оттуда до р. Маныча, а отъ оной рубежемъ земель Войска Донскаго, до предѣловъ владѣнія селеній Чапуршиковъ и Цацы ³⁾.

§ 2-мъ. Дабы доставить всѣмъ вообще калмыкамъ еще болѣе способовъ къ улучшенію ихъ состоянія, дозволять каждому одному изъ владѣльцевъ, по очереди, переходить лѣтомъ за рѣку Волгу, въ Енотаевскомъ уѣздѣ, близъ села Никольскаго и деревни Пришибъ, прямо противъ горы Богдо, въ степь до Баскунчатскаго солянаго озера, а отъ онаго къ дачѣ вла-

¹⁾ П. С. З. 1806 г. Т. XXIX, № 22,135.

²⁾ Въ 1860 году, при разграниченіи губерній Астраханской отъ Ставропольской, новая граница проведена по среднѣй Манычской долины и далѣе по суходолу и притоку р. Кумы, Гуйдуку до берега Каспійскаго моря. Это разграниченіе губерній, послѣдовавшее по Высочайшему повелѣнію, было признано необходимымъ во избѣжаніе постоянныхъ столкновеній, происходившихъ между калмыками и магометанскими народами, ко-чующими въ Ставропольской губерніи (П. С. З. II изд. 1860 г. II отд. Т. XXXV, № 35,556).

³⁾ Въ 1806 году, при разграниченіи губерній Саратовской отъ Астраханской, эти селенія отошли къ послѣдней и, вслѣдствіе этого, сѣверные предѣлы степи опредѣлены границами колоній Саренты.

дѣльца Тюменя, кочующаго постоянно на луговой сторонѣ рѣки Волги.

✓ § 3-мъ. Такъ какъ одно изъ главныхъ неудобствъ въ настоящемъ расположеніи кочевья калмыковъ, состоитъ въ недостаткѣ водопоевъ, къ коимъ путь присѣкается расположенными вдоль береговъ р. Волги дачами помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ, то, дабы доставить калмыкамъ удобство пользоваться водопоями, положено нарѣзать имъ въ сихъ дачахъ, гдѣ удобнѣе и безобиднѣе для поселянъ, необходимые прогоны къ Волгѣ, владѣльцамъ же дачъ, изъ коихъ вырѣзана будетъ земля для этихъ прогоновъ, взаменъ того, отвести въ калмыцкой степи столько десятинъ земли, сколько для прогоновъ у нихъ взято будетъ. Такіе же прогоны и на такомъ же основаніи сдѣлать и по другимъ рѣкамъ, гдѣ окажется это необходимымъ.

✓ §§ 4 и 5-мъ. Оброчныя статьи въ нагорной сторонѣ и всѣ угодья на земляхъ и прогонахъ предоставить въ пользу калмыковъ.

2 § 7-мъ. Сверхъ пространства земли, въ § 1-мъ означеннаго, дозволяется Дербетевскому улусу, по многочисленности его, кочевать и за Манычемъ по р. Калаусу до большаго Егорлыка.

✓ § 9-мъ. Дозволяется калмыкамъ имѣть зимовку на тѣхъ мочагахъ, кои не состоятъ ни въ чьемъ частномъ владѣніи.

§ 10-мъ. Кромѣ этихъ мѣстъ, владѣльцы и казенные поселене должны были отвести калмыкамъ въ займищныхъ ихъ дачахъ мѣста для зимняго ихъ кочевья, а селеніямъ по Волгѣ какъ казеннымъ, такъ и помѣщичьимъ, взаменъ впуска калмыковъ въ ихъ займищныя мѣста, назначено пользоваться по нагорной сторонѣ, въ степь, береговою полосой отъ 10 до 15

версть ширины, для занашки и выгоновъ скота на пастьбу во время половодья ¹⁾.

§ 17-мъ. Мѣсто близъ Астрахани, именуемое калмыцкимъ базаромъ, утвердить за калмыками.

Послѣ бѣгства калмыковъ въ 1771 году изъ Россіи въ китайскія владѣнія, оставленныя ими земли заняты были самовольно разнаго званія скотоводами, въ томъ числѣ и Астраханскими армянами, гдѣ они много лѣтъ послѣ того разводили и выпасывали свой скотъ безпрепятственно; но калмыки, получивъ опредѣленныя права на земли, предоставленныя имъ вышеозначеннымъ указомъ 19 мая 1806 года, стали вытѣснять постороннихъ лицъ изъ своихъ степей и вызвали этимъ ходатайство со стороны армянъ о дозволеніи имъ, по прежнему, кочевать вмѣстѣ съ калмыками. Вслѣдствіе сего, Высочайше утвержденнымъ 3 апрѣля 1828 года положеніемъ Комитета Министровъ, указано, что какъ «дозволеніе постороннимъ лицамъ кочевать съ калмыками противно правамъ, кои сиіи послѣдніе пользуются», то, «Армянамъ и прочимъ людямъ, имѣющимъ скотоводство на калмыцкихъ земляхъ, дальнѣйшее пребываніе на оныхъ воспретить» ²⁾.

Вслѣдъ за тѣмъ, именно 21 апрѣля 1828 года, пожалована калмыцкому народу Высочайшая грамота о томъ, что жалованныя ему до того времени права и преимущества подтверждаются «во всей ихъ силѣ и неприкосновенности» ³⁾.

По представленію Астраханскаго Военнаго Губернатора, генераль-маіора Тимирязева, объ отдачѣ калмыцкихъ излишнихъ земель въ оброчное содержаніе и о выдачѣ вырученныхъ за нихъ денегъ въ пособіе бѣднѣйшимъ калмыкамъ, пострадав-

¹⁾ Въ настоящее время, эта полоса ограничена десятиверстнымъ пространствомъ.

²⁾ И. С. З. (изд. второе) 1828 г., Т. III, № 4912.

³⁾ Тамъ же, № 1976.

шимъ отъ потери своего скота во время жестокихъ зимъ и болѣзней, Высочайше утвержденнымъ 23 февраля 1837 года положеніемъ Комитета Министровъ, разрѣшено: отдачу въ аренду излишнихъ калмыцкихъ земель «допустить, въ видѣ «временной мѣры, до толѣ, пока улучшение собственнаго скотоводства калмыковъ и возстановленіе самага благосостоянія «ихъ, мѣру сію сдѣлаетъ не нужною», съ тѣмъ, чтобы деньги, поступающія за содержаніе оброчныхъ статей, «опредѣлить «на пособіе раззореннымъ несчастными случаями калмыкамъ, «покупкою для нихъ рогатаго скота» ¹⁾.

Именнымъ указомъ 28 мая 1839 года, объявленнымъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта Военнымъ Министромъ, повелѣно: «строжайше воспретить поселеніе на калмыцкихъ «земляхъ казеннымъ крестьянамъ и вообще выходцамъ изъ «внутреннихъ губерній, какому бы вѣдомству они не принадлежали» ²⁾.

Такимъ образомъ, обширныя степныя пространства, предоставленныя калмыцкому народу, ревниво оберегались отъ вторженія на нихъ постороннихъ лицъ, не смотря даже на то, что въ продолженіе двухъ столѣтій калмыками не было положено даже началъ осѣдлости. Между тѣмъ пустыньность степи, посѣщаемой только въ извѣстныя времена года кочевниками, да, наконецъ, самое пребываніе этой бродячей массы въ степи, всегда представляли опасность для проѣзда по ней, вынуждая Правительство принимать различныя мѣры; какъ напр.: устройство пикетовъ и кордонныхъ линій вдоль торговыхъ трактовъ.

---

¹⁾ П. С. З. (изд. второе) 1837 года, I отд. Т. XII, № 9962. Деньги, выручаемыя въ настоящее время за отдачу въ оброчное содержаніе свободныхъ калмыцкихъ земель, поступаютъ въ общественный капиталъ народа, имѣющей между прочимъ назначеніе поддерживать хозяйство и благосостояніе калмыковъ.

²⁾ П. С. З. (изд. второе) 1839 г., I отд. Т. XIV, № 13384.